

А.В.ДЫБО

ХРОНОЛОГИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ РАННИХ ТЮРКОВ

Тюркская языковая семья представляет собой благодарный материал для применения различных методик классификации и хронологизации языков. Во-первых, она достаточно велика (можно оперировать как отдельными идиомами по крайней мере 35 современными языками и диалектами и не меньше, чем шестью хорошо записанными древними и средневековыми языками). Во-вторых, она относительно молода, и история тюркских народов по большей части хорошо задокументирована; таким образом, генетические классификации тюркских языков могут быть проинтерпретированы в терминах реальной истории. Основная трудность при классификации и хронологизации тюркских языков состоит в многочисленных контактах между языками в высокой степени сходными и часто сохраняющими взаимопонимание.

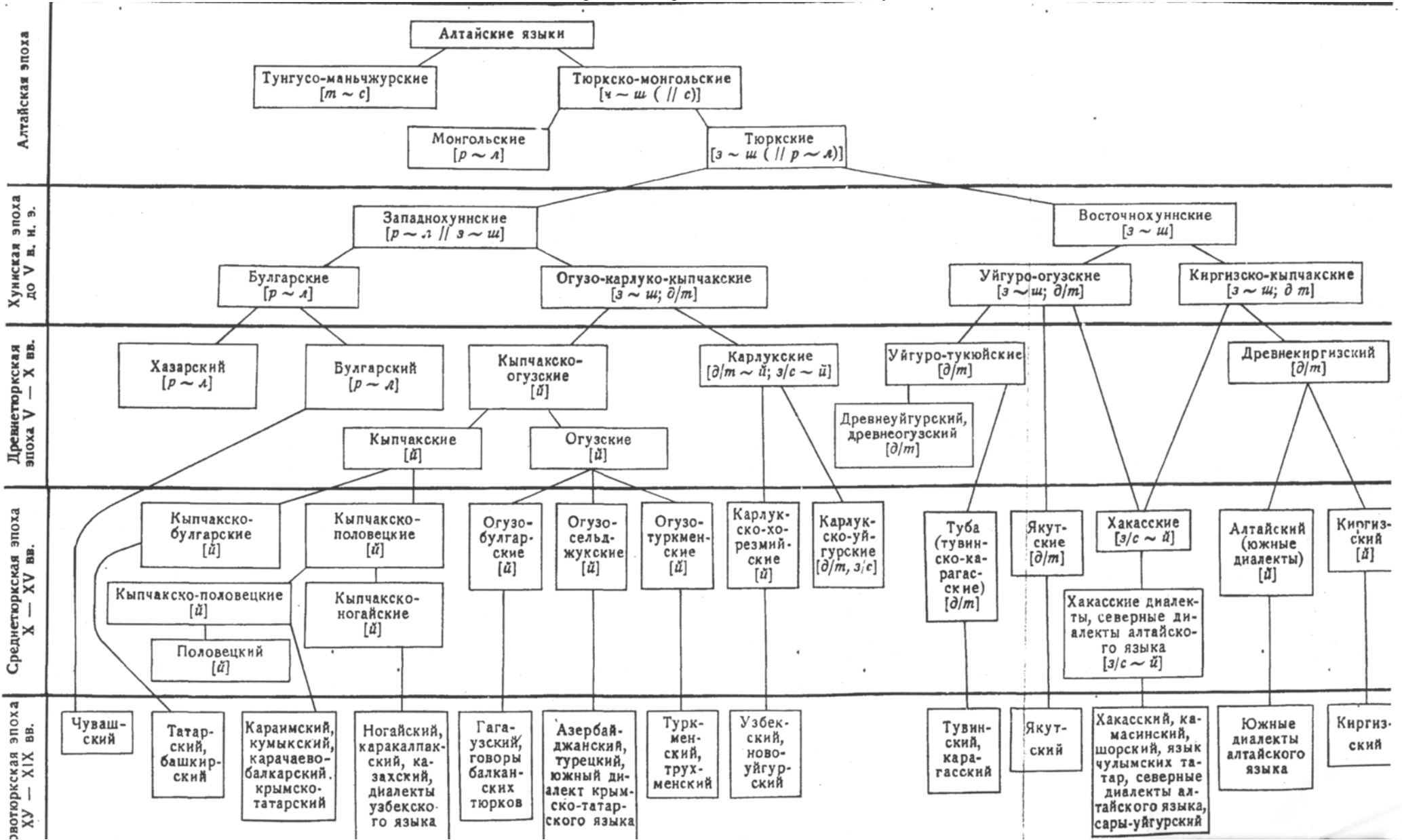
В связи с этим тюркологами предлагалось несколько классификаций тюркских языков. Самыми популярными из них, к настоящему времени, являются классификация Н.А.Баскакова (см. с. 767), которая направлена прежде всего на интерпретацию исторических источников, что не всегда хорошо соответствует собственно лингвистическим данным, и классификация, основанная на предложениях А.Н.Самойловича (см. с. 768), сейчас уже претерпевшая определенные изменения, которая опирается на фонетические и морфологические признаки; правда, мы не можем быть уверены в том, что эти выделяемые на поверхностном уровне признаки являются действительно наиболее релевантными для генетической классификации, но несомненно эта классификация соответствует определенной лингвистической реальности, отражая по крайней мере одну из географических группировок тюркских языков в течение их истории. Практически этой последней (с небольшими модификациями) классификацией мы и пользовались в предыдущем томе нашего издания, «Региональные реконструкции». Ниже предлагается опыт построения абсолютной хронологии распада тюркской семьи языков, основанной на лексико-статистических данных. Такие попытки предпринимались прежде, но до сих пор не проводилось обследования стословников по абсолютному большинству языков²²⁴. В наших списках пред-

---

²²⁴ Последняя по времени известная нам работа – Дьячок М.Т. Глоттохронология тюркских языков (предварительный анализ). – Наука. Университет. 2001. Материалы Второй научной конференции. Новосибирск, 2001. С. 14–16. В кратком сообщении автор не приводит самих стословных списков, собранных им для турецкого, узбекского, татарского, чувашского, саларского, тувинского, якутского, хакасского, казахского, киргизского, туркменского, азербайджанского, поэтому нам довольно трудно судить о методике сопоставления. Отметим выводы, сходные с нашими: раннее выделение болгарской, якутской и тувинско-тофаларской ветвей; отсутствие специфической генетической близости якутского и тувинско-тофаларской группы; принадлежность других сибирских языков в целом к «западной» группе. Остальные выводы автора имеют довольно смутный статус.

Классификация тюркских языков по Баскакову

Классификация "по Самойловичу"

Северо-западная группа (кыпчакская)		Тюркские		Общетюркские		Северо-восточная группа					
домонгольско-кыпчакские		Юго-западная группа (огузская)		Юго-восточная группа (карлукская)		Горноалтайские		Кыргызские	Саянские (топаские)	Якутские	
волжско-кыпчакские		западно-огузские		восточно-огузские		Южные диалекты	Северные диалекты				
ногайские		Турецкий, гагаузский		Азербайджанский, туркменский, саларский		Туба, Куу (лебединский), кумандинский					
Караимский, кумыкский, балкарский		Татарский, башкирский		Узбекский		Ойротский, телеутский, теленгитский, (киргизский)		Хакасский, шорский, сарыг-югурский	Тувинский, тофаларский	Якутский, долганский	
ногайский, казахский, каракалпакский, (киргизский)		Ново-уйгурский		Узбекский		Ново-уйгурский					

ставлены релевантным образом все языки, для которых к настоящему моменту реально собрать стословники по письменным источникам. Стословники собирались по уточненному списку значений Яхонтова – Старостина и обрабатывались по уточненной методике Старостина, с обнулением опознаваемых заимствований²²⁵, в программе Starling.

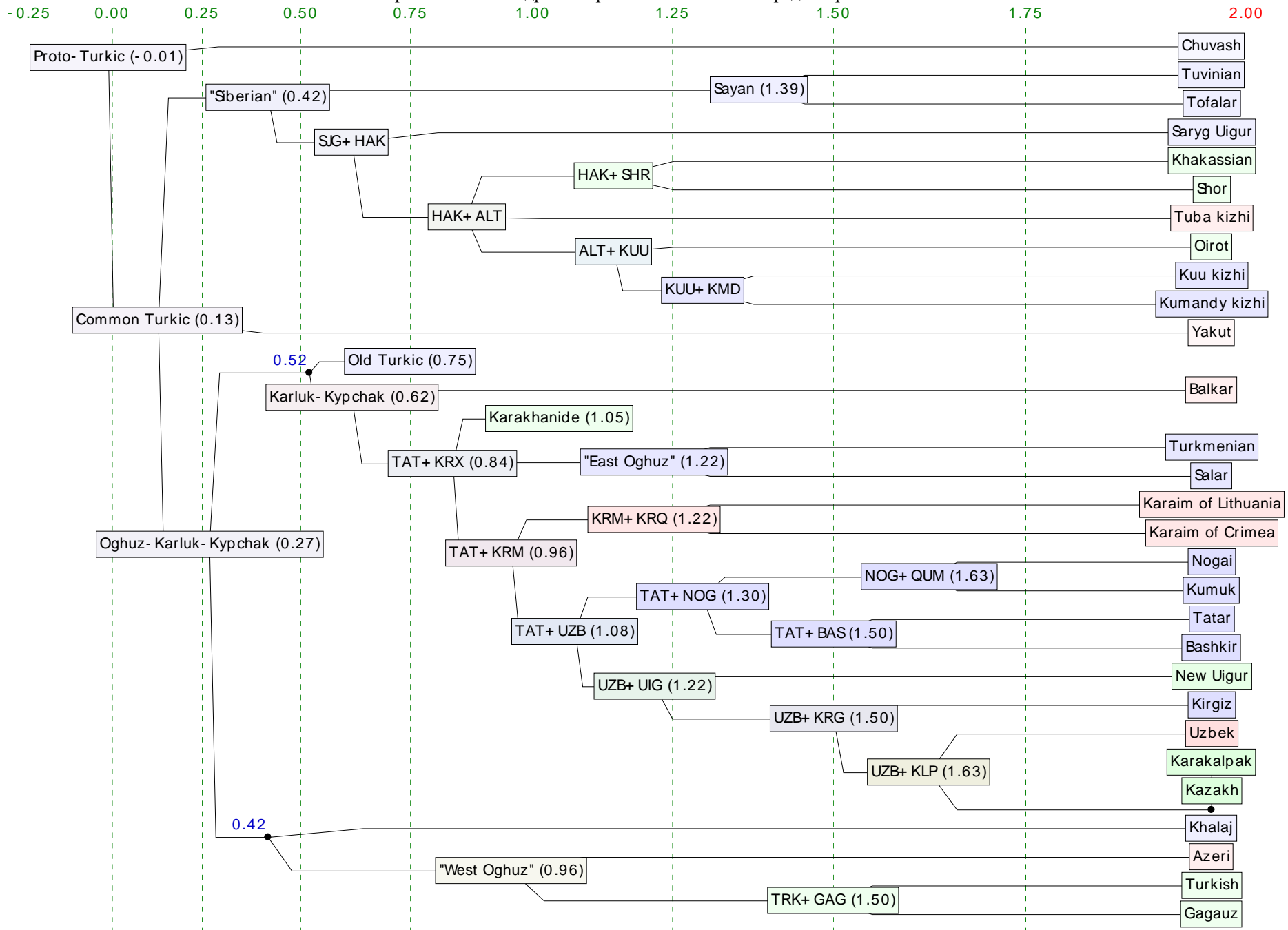
Обследовались два набора стословников. В первом наборе предполагалось, что списки могут содержать для каждого языка неограниченное количество синонимов (или квазисинонимов – слов, могущих быть переводами одного и того же английского слова). Такая посылка позволяет, во-первых, избежать проблемы семантического совпадения-несовпадения разных переводов Сводешевских значений в одном и том же языке; во-вторых, позволяет обойти скользкие моменты выбора «наиболее употребительного» слова (поскольку употребительность может сильно различаться по жанрам текстов). Следует отметить, что такой метод, несмотря на явные преимущества, очевидным образом включает в подсчеты многочисленные «шумы». Полученное в результате древо содержит явные случаи вторичного сближения языков вследствие географических контактов (с. 770). Во втором наборе списков сохранены только такие «синонимы», различия которых в значении не могут быть прямо выражены английскими эквивалентами. Это, например, такие случаи как «тонкий» (о плоских предметах) и «тонкий» (об объемных предметах), или по несколько вхождений для «тот» и «этот» в случае, если представлена трех- или четырехуровневая система пространственного дейксиса. Результирующее генеалогическое древо (с. 771) содержит больше корреляций с изначально принятой у нас классификацией. Полученные расхождения нуждаются в анализе и объяснении.

Еще один момент, который необходимо обсудить в связи с методом классификации языков по «общим инновациям», состоит в следующем. Ставя задачи в рамках сравнительно-исторического языкознания, лингвист вынужден исходить из «древесной» модели изменения языковых явлений: другие модели, вроде «волновой», исключены самой сущностью компаративистской процедуры. Однако в ситуации относительно недавнего разделения языковых идиомов, при сохранении взаимопонимания между носителями этих идиомов, довольно часто приходится сталкиваться с явлениями типа «волновых», когда какая-то инновация распространяется через границы идиомов. Интерпретация таких явлений в рамках сравнительно-исторического языкознания, очевидно, должна быть устроена следующим образом. Если в момент вхождения диалекта в некоторую группировку (обеспеченную общими политическими, экономическими или географическими границами) в нем возникает определенная инновация, общая для этой группировки, то при исследовании рефлексов этой инновации для нас исходным узлом генеалогического древа будет именно эта группировка; предполо-

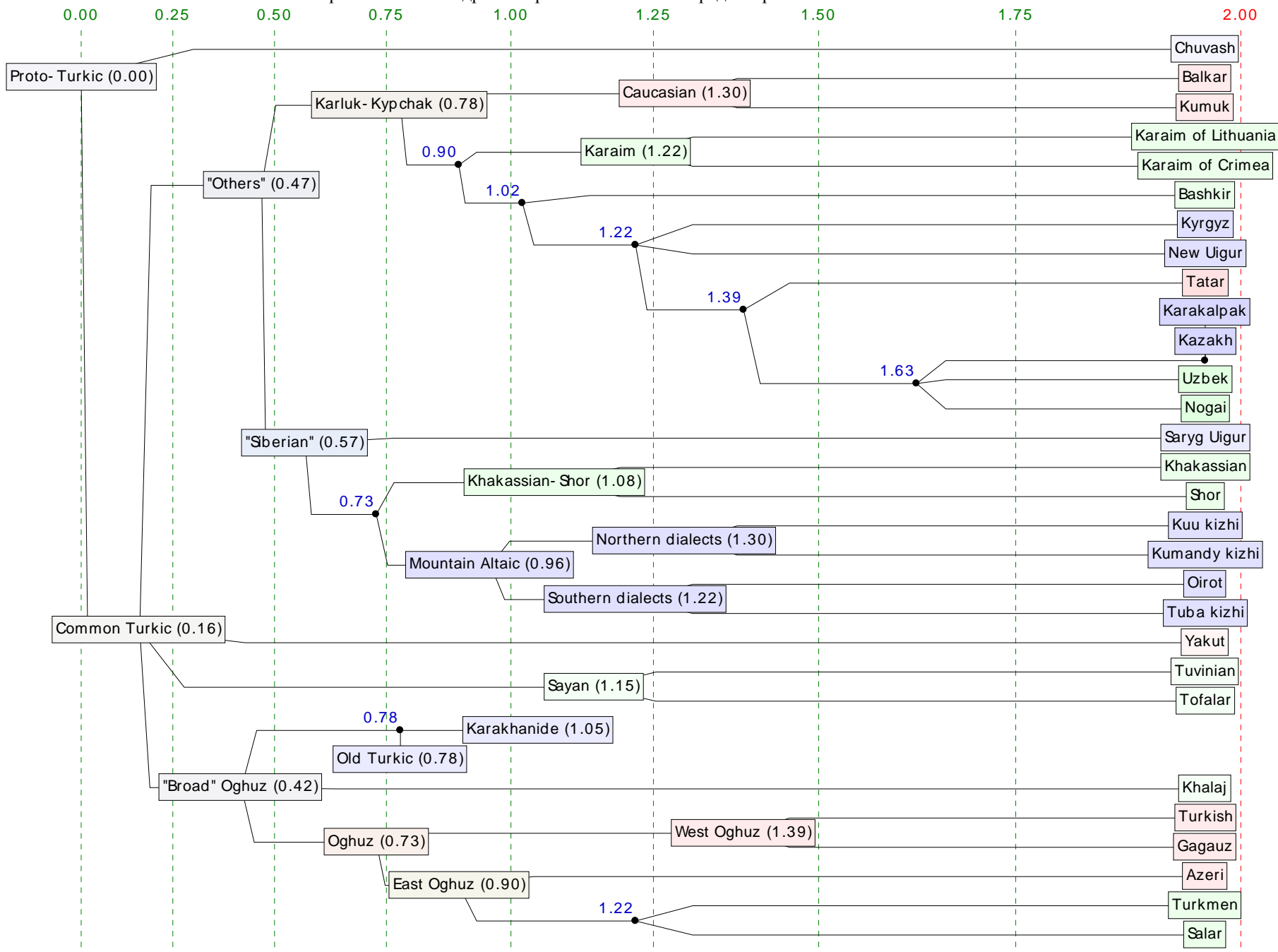
---

²²⁵ О методике глоттохронологических подсчетов см. подробно *Бурлак С.А., Старостин С.А.* Введение в лингвистическую компаративистику. М., 2002. С. 82–85.

Глоттохронологическое древо тюркских языков по неотредактированным спискам

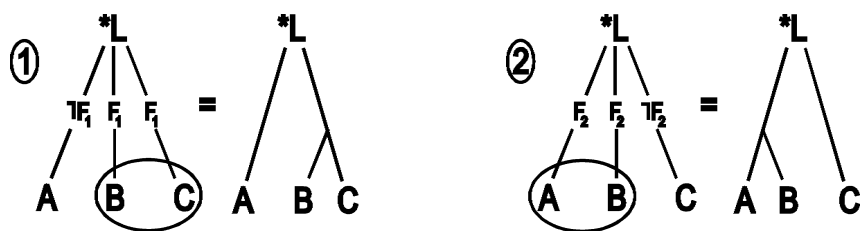
Глоттохронологическое древо тюркских языков по отредактированным спискам

жим, однако, что в части диалектов этой группировки имеются следы архаического явления, общие с чертами диалектов другой группировки. В этом случае мы получаем другое, причем более старое древо с другими узлами, соответствующими другим, более старым группировкам диалектов. Таким образом, лингвогеографический подход в данной форме должен позволять получить относительную хронологию перегруппировок диалектов (или близкородственных языков).

Задачей компаративиста в этом случае является установление относительной хронологии различных генеалогических древ. Это, как и в других случаях, достигается установлением порядка действия правил перехода от реконструированного состояния к рефлексным состояниям. А именно, в тех случаях, когда рефлексное состояние может быть представлено как результат действия правила F_1 на результат действия правила F_2 , порядок действия правил определяется как F_2, F_1 . Тогда, если действие этих правил образует узлы на генеалогическом древе, генеалогическое древо, полученное F_2 , должно считаться более архаичным и генетически первичным, а генеалогическое древо, полученное F_1 , – вторичным. При этом, несомненно, оба полученных древа отражают определенную лингвистическую реальность. Подчеркнем также, что все узлы любого генеалогического древа отмечают не момент возникновения или период существования предполагаемой языковой единицы, но момент расхождения двух единиц-потомков. В дальнейшем мы будем называть изоглоссами правила, которые могут приводить к образованию узлов на генеалогических древах; те изоглоссы, которые релевантны для упорядочивания древ, мы будем называть связанными.

ПРАТЮРКСКАЯ ЭПОХА

Первый узел обоих наших генеалогических древ – это отделение чувашского от других языков, обычно определяемое как отделение болгарской группы. Это разделение с точки зрения процессов изменения языка выражено в фонетике следующими наиболее яркими изоглоссами: 1) озвончение пратюрк. $*t >$ общетюрк. $*d$ перед звонкими смычными, $*r$ и $*r'$ (следы такого озвончения обнаруживаются в огузских и саянских языках, но отсутствуют в дунайско-болгарских заимствованиях в венгерский); 2) развитие пратюрк. $*l', *l\check{c}, *r'$ в булг. $*l, *l\check{c}, *r$ в соответствии с общетюрк. $*\check{s}$

*š, *z; 3) развитие в булг. * δ -> j в основах, содержащих r , и * δ -> $-r$ - в других контекстах (хронологически это правило, видимо, можно считать последним из трех, поскольку оно могло действовать после совпадения в булг. * r и * r' , ср. чув. *xujʷg* 'кора' < пратюрк. *Kar-δur). В морфологии это следующие (не упорядоченные относительно друг друга) процессы: а) общетюркский и болгарский воспользовались двумя различными путями грамматикализации показателей множественного числа: болгарский использовал старое постпозитивное местоимение *sayin 'все', общетюркский – один из старых суффиксов собирательных имен, **-lar* (отметим, что в обеих ветвях можно обнаружить следы старого показателя (парной?) множественности * $-r$); б) в парадигме именного склонения общетюркский заменил старый аффикс генитива $-(i)ŋ$ (с распределением после гласного и согласного конца основы) на аффикс $-(n)iŋ$, извлеченный из переинтерпретированных местоименных форм; болгарский, напротив, сначала сохранял $-(i)ŋ$, а позже развил $-(n)iŋ$ для посессивно-именной парадигмы и существительных, основа которых содержит те же гласные, что и личные местоимения; в) общетюркский потерял причастие ожидаемого будущего на $-s$, сохранив это образование только для отрицательных форм неопределенного будущего; болгарский, напротив, сохранил это причастие. На обоих деревьях соответствующий узел датируется около -30 – 0 гг. до н.э. Мы связывали бы эту дату с миграцией части хунну из Западной Монголии на запад, через северный Синоциан в Южный Казахстан, на Сыр-Дарью в 56 г. до н.э.

В связи с такой датировкой распада пратюркского языка встает проблема датировки иноязычных заимствований в пратюркский (то есть таких, закономерные рефлекссы которых мы находим и в болгарской группе, и в общетюркском). В качестве свидетельства контактов пратюркского с соседними языками можно привести ряд китайских заимствований в пратюркский до отделения болгарского и, возможно, несколько слов, которые могут интерпретироваться как заимствования из какого-то восточно-иранского языка, по фонетическим развитиям напоминающего сакский.

Китайские заимствования в пратюркском

Обзор предполагаемых ранних китаизмов в тюркских языках можно найти в Шервапидзе 1989. Здесь мы рассматриваем только наиболее несомненные из них, причем заимствованные в пратюркский (т.е. наличествующие и в общетюркской, и в болгарской ветвях). Китайские параллели приводятся по базе китайских иероглифов, составленной С.А.Старостиным (проект «Tower of Babel», www.starling.rinet.ru).

Для датировки китаизмов в пратюркском мы воспользовались уточненной периодизацией китайского языка в Старостин 1989. По нашим датировкам распада пратюркского следовало бы ожидать заимствований из языка Западного Хань (III в. до н.э. – рубеж эры) или Восточного Хань (рубеж эры – нач. III в.н.э.). Учитываются следующие фонетические развития. Восточное Хань уже дает возможность предполагать переход латералов во

фрикативные перед краткими гласными (Старостин 1989, 468–469) и даже *l* > *d* в инициали (Старостин 1989, 469). Окончательно переход *L* > *D* установлен для раннего постклассического древнекитайского (с III в.н.э.), и тогда же окончательно *r, rh* > *l, lh* (Старостин 1989, 476). Переход *pr-* > *p-* также окончательно проходит в раннем постклассическом древнекитайском. Сочетания типа *Tr-* дали ретрофлексные еще в Западном Хань. Терминаль *-r* уже в классическом древнекитайском дала *-n* (Старостин 1989, 711). *Lh* > *z'h* перед кратким в Восточном Хань (Старостин 1989, 468), *T* > *c'* перед кратким в Восточном Хань.

1. **alačū-k* 'хижина, шалаш, маленькая юрта': др.-уйг. *alačū*; крх.-тюрк. *alačū* (МК); кум. *alačyq*, башк. *alasəq*, ккалп. *ylašyq*, каз. *lašyq*; кирг. *alačyq*, алт. *alančyq*, хак. *alačux*, шор. *alančyq*; тув., тоф. *alažy*; як. *alaha*; (?) чув. *las*²²⁶. См. СИГТЯ 1997, 497–498. Сопоставляют с поздне-др.-кит. *la-λia?* 'деревенский домик', состоящим из двух слов: 1) 廬 совр. кит. *lū* 2, ср.-кит. *lō*, др.-кит. *r(h)a* 'hut, shelter; to lodge' Karlgren 0069; 2) 舍 совр. кит. *shè* 3, ср.-кит. *ša*, др.-кит. **λiaʔ-s* 'to rest, stop; lodging house'. Karlgren 0048 a-b. Датировка: *r-* > *l-* в раннем постклассическом древнекитайском, при сохранении негубной финали, то есть обязательно до позднего постклассического древнекитайского; латерал > фрикативный перед кратким гласным – начиная с Восточного Хань; общая дата – начало III в. н.э.

2. (?) **altun*, чув. *yltan* 'золото', см. СИГТЯ 1997, 402. Возможно, сложение **a:l* 'алый, красный' и **tun*, где вторая часть – предположительно китаизм: 銅 совр. кит. *tong* 2, ср.-кит. *duŋ*, др.-кит. *Łōŋ* 'медь, латунь, бронза' [Хань] Karlgren 1176 d. Датировка: *L* > *D*, начиная с Восточного Хань, т.е. начиная с рубежа эры.

3. **gümül* 'серебро': рунич. *kümüş*, крх.-уйг. *kümüş*, IbnM *gümüş*. В современных языках это слово сохранилось повсеместно; в С.-В. – хак. *kümüs*, тув. *xümüş*; як. *kümüs*, чув. *kə^wmə^wl*. СИГТЯ 1997, 404–405. Предположительно из др.-кит. **kəmlīēw*: 1) 金 совр. кит. *jīn* 1, ср.-кит. *kim*, др.-кит. *kəm* 'metal' Karlgren 0652 a-c; 2) 鏘 совр. кит. *liào* 2, ср.-кит. *liəw*, др.-кит. *r(h)ēw* 'bright silver' [Хань]. Датировка: *r, rh* > *l, lh* начиная с раннего постклассического древнекитайского, т.е. с начала III в., не позже ср.-кит.

4. **dēmür* 'железо': рунич., др.-уйг. *temür* (*temir*), МК *temür*, тув. *demir*; як. *timir*; чув. *timər*. СИГТЯ 1997, 409–410. Из поздн. др.-кит. **diēt-mwut* (= *mwut*) 'железная вещь', диал. поздн. др.-кит. источник должен был звучать *diēt-mwur*, ср.: 1) 鐵 совр. кит. *tiě* 3, ср.-кит. *thiet*, др.-кит. *λhīt* 'железо'; 2) 物 совр. кит. *wù* 4, ср.-кит. *müt*, др.-кит. *mhət* 'variety; variety of objects, objects, things' Karlgren 0503 h-i. Датировка: *l* > *d* в инициали начиная с Восточного Хань, т.е. с рубежа эры; отражение терминали *-t* как *-r* – диалектное явление, плохо датированное «снизу», до VII в. н.э.

5. **bek* 'титул' начиная с рунич. Орх. (КТБ 3, 6; Тон 40), др.-уйг. (ThS II 5) *beg*, як. *bi*. Чув *pik*- компонент имен собственных, *pikə* 'барышня'. СИГТЯ

²²⁶ Возможно, в чув. кыпч. заимствование – не вполне ясен вокализм.

1997, 320. К постклассическому древнекитайскому *pək* Старостин 1989, 688: 伯 совр. *bo* 2, ср.-кит. *pəik*, др.-кит. *prāk* ‘быть старшим, старейшиной рода’. Karlgren 0782 i. Датировка: Западное Хань и Восточное Хань сохраняют инициаль *pra-*, т.о., III век н.э.

6. *čerig ‘войско’, болгар. *sarak*, чув. *śarā*, як. *serii*. Связывают с ср.-кит. *čen*: 戰 совр. кит. *zhan* 4, ср.-кит. *cen*, др.-кит. *tar-s* ‘драться, сражаться; дрожать, бояться’ Karlgren 0147 г. Датировка: по развитию инициали в аффрикату Восточное Хань, т.е. рубеж эры – III в.н.э. Но конечный *r > n* в классическом древнекитайском (V в. до н.э. – III в.н.э.)²²⁷. Эволюция корня в Старостин 1989: доклассический древнекитайский *tarh* > классический древнекитайский *tanh* > Западное Хань *tanh* > Восточное Хань *tjanh*, *čanh*, постклассический древнекитайский *čen*. Неясно.

7. *bitig ‘письмо’, чув. *pətü*, см. Федотов 429. Обычно возводят к ср.-кит. *pit*: 筆 совр. кит. *bi* 3, ср.-кит. *pit*, др.-кит. *prət* ‘кисть для письма, инструмент для письма’ [позднее Чжоу]. Karlgren 0502 d. Датировка: Переход *pr-* > *p-* окончательно проходит в раннем постклассическом древнекитайском, т.е. к началу III века, верхняя граница – среднекитайский (отпадение смычных терминалей, до VII в.)

8. Др.-уйг. *küin* ‘свиток’, дун.-булг. *küinig > др.-болг. *кѹнига*, венг. *könyv*. См., например, Фасм. 2 262–263. К кит. 卷, совр. *juan*, ср.-кит. *kwen*, др.-кит. *k^wren[?]-s* ‘reel, coil, volume’. Karlgren 0226 a. Датировка: аналогично предыдущему (по переходу *kr-* > *k-*), ранний постклассический древнекитайский, начало III в.

9. *bengü ‘вечный’, с рун. *bengü*, МК *mengü*, в совр. языках повсеместно, включая як. и тув., из др.-уйг. заимств. п.-монг. *möngε*. Як. и тув. формы могут быть монголизмами. См. ЭСТЯ 1978, 113–114. Из кит. *man+ko*: 1) 萬 совр. кит. *wan* 4, ср.-кит. *mwən*, др.-кит. *mans* (~*rs*) ‘be ten-thousand, myriad’ Karlgren 0267 a-b; 2) 古 совр. кит. *gu* 3, ср.-кит. *ko*, др.-кит. *kā[?]* ‘быть старым, древним’ Karlgren 0049 a-e. Датировка: Переход *kā[?]* > *kō* тоже постклассический древнекитайский (Старостин 1986, 687), начало III в.

10. *čyn, с МК, тув. *šyn*, чув. *čän* ‘правда’, см. Федотов 2, 402. К кит. 貞 совр. *zhen* 1, ср.-кит. *teŋ*, др.-кит. *treŋ* ‘to test, try out, correct’, ‘chaste, pure’. Karlgren 0834 g-i. Датировка: если предположить, что ретрофлексный зубной в инициали мог адаптироваться при заимствовании как аффриката, то возможно Западное Хань, т.е. III в. до н.э. – рубеж эры.

11. *deng ‘равный’ с рунич., тув. *teng*, чув. *tan*, см. Федотов 2, 170–171. К кит. 等, совр. *deng* 3, ср.-кит. *tŋ*, др.-кит. *tōŋ[?]* ‘rank, degree, grade, class’ [позднее Чжоу] Karlgren 0961 i. Датировка по китайской фонетике не ограничена.

12. *dōn ‘одежда’, с др.-уйг., тоф. *don*, тув. *ton*, чув. *tum*, см. ЭСТЯ 1980, 262–263. К кит. совр. *duan* 1, ср.-кит. *twän*, др.-кит. *tōr* ‘black straight robe’.

²²⁷ Соответственно, в высшей степени сомнительными следует считать все гипотетические ранние китаизмы в праторкском с заменой *n* на *r*.

Датировка: форма типа др.-кит. *tōn*, т.е. с переходом терминали *-r > -n*, но до дифтонгизации медиали – позже раннедревнекитайского (XI в. до н.э.) и не раньше среднекитайского (VII в.).

13. *kög ‘мотив’, с др.-уйг., тув. *xög*, тоф. *xög*, як. *kijj*, чув. *kəvə*, см. СИГТЯ 1997, 614. К кит. 曲 совр. *qu* 1, ср.-кит. *khöuk*, др.-кит. *khok* ‘be curved, bent’, с Хань фиксируется значение ‘музыкальное произведение, мелодия’; Karlgren 1213a. Датировка: верхняя граница, по-видимому – постклассическое древнекитайское *khok* Старостин 686 (т.е. до III в. включительно).

14. *sur ‘цвет, краска, лак’ с МК, чув. *särä*, см. ЭСТЯ 2003. Принято возводить к кит. 漆 совр. *qi* 1, ср.-кит. *chjit*, др.-кит. *shit* ‘lacquer tree, lacquer (*Rhus vernicuflua*)’ Karlgren 0401 b. Фонетически такое происхождение кажется маловероятным, разве что в результате адаптации др.-кит. *sh-* > тюрк. *s-*, и тогда датировка имеет верхнюю границу: до постклассического древнекитайского, то есть до III в. н.э. (при этом из гипотетического диалекта, где *-t > -r*, ср. выше). Другая возможность – заимствование из кит. 刷 совр. *shua* 1, ср.-кит. *šwet*, др.-кит. *srot* ‘to rub, scrape [позднее Чжоу]’ с последующим развитием ‘to smear, paint > print’ Karlgren 0298 a. Тогда датировка определяется снизу падением *-r-*: Западное Хань, III в. до н.э., но до ср.-кит. включительно (VII–X вв.).

15. *jincü ‘жемчуг’ с рунич., в совр. яз. – кроме Сибири, булг. *žincü > венг. *gyöngy*. К кит. 1) 眞 совр. *zhen*, ср.-кит. *cin*, др.-кит. *tin* ‘настоящий, подлинный’ Karlgren 0375 a; 2) 珠 совр. *zhu* 1, ср.-кит. *cü*, др.-кит. *to* ‘жемчуг’ Karlgren 0128 c. Датировка: *T > c'* перед кратким в Восточном Хань, т. е. с 0–III в. н.э.

Сам набор заимствованных слов очерчивает определенный круг культурного взаимодействия: ремесло – в частности, металлообработка, война, письменность, искусство, предметы роскоши, философские понятия. Датировки по фонетическим особенностям заимствований в совокупности указывают на III в. н.э. Как объясняется расхождение этой датировки с глоттохронологической (рубеж эры)? Если принять, что последняя соответствует времени выпадения первого слова из стословного списка, то следует полагать, что после этого еще по крайней мере III века разделившиеся тюрки продолжали довольно активные контакты, и в их языках не происходило существенных фонетических изменений. В частности, из описанных выше связанных изоглосс для датировки первой материала нет, так же и для третьей, но для второй получаем нижнюю границу: не раньше IV в. н.э. (по слову *gümül ‘серебро’). Надо отметить, что соответствующую предполагаемой исторической ситуации мы можем видеть в истории разделения гуннов на северных и южных: первое такое разделение и уход северных гуннов на запад произошли, как было сказано выше, в 56 г. до н.э., причем считается, что эта группа гуннов была уничтожена китайцами, а оставшиеся гунны оказались под властью Китая; второй раскол гуннов на северных и южных происходит в 48 г. н.э., с этого времени северные гунны посте-

пенно смещаются в западную Монголию и далее в Восточный Туркестан, в Джунгарию, а в 155 г. мигрируют в Восточный Казахстан и Семиречье, где живут до V в. н.э.²²⁸. Вероятно, что первая группировка не была уничтожена физически, а только потеряла государственность, а затем вторая слилась с ней, принесла с собой культурные китайские заимствования.

Возможные восточно-иранские заимствования в праторкский

1. **dāna* 'теленки': ср.-кыпч. (с XIV в.) *tana* 'теленки', чаг. *tana* 'двухлетний теленок'; в новых языках: тур. *dana* 'теленки', гаг. *dana* 'двухгодовалый теленок', аз. *dana* 'теленки', турк. *tāna* 'теленки' (без различия по полу); салар. *tana* 'телка'; кар. *tana* 'теленки', кум., балк. *tana* 'двухгодовалый теленок-бычок', тат. *tana* 'двухгодовалая телка', ног., ккалп. *tana* 'телка по второму году', каз. *tana* 'годовалый теленок-бычок', кирг. *tana* 'телка по второму году'; чув. *tuṅa* 'телка (перезимовавшая)'. VEWT 460, Федотов 2, 267²²⁹, ЭСТЯ 8. Булгар. **tynag* > венг. *tinó* 'телка' Gomb. 130 (неясна глухость). Предполагается заимствование из иран. (авест. *daenu* 'самка животного', ср. санскр. *dhenu-* 'корова' (из «дойная»), хор. *dyn* 'женщина', язг. *ḍang* 'имеющая детей (о женщине, самке)' < **dānu-kā*, хсак. *dānū* 'корова' Bailey 159, Расторгуева – Эдельман 2, 447). Наиболее правдоподобным в этом случае кажется заимствование из языка северного ираноязычного населения, близкого к сакскому, который единственный из иранских языков дает для слова значение 'корова', и где возникает первый гласный *i*, давший в праторкском источник рефлексов *a* закрытого.

2. **dōrak* 'сыр': см. ЭСТЯ VIII (в печати). Традиционно его напрасно объединяют с крх.-тюрк. *tar* 'пахта', як. *tar* 'замороженная простокваша', к которому также фонетически подходит чув. *tora(x)* 'простокваша' Федотов 2, 253 и монг. *tarag*, с SH *tarah* 'простокваша' (которое потом заимствовалось из монг. в тув. и маньчж.). Для этого последнего блюда восстанавливается название ПТ **tar-aq* 'вид простокваши', возможно, слово, общее с монг., но возможно и заим. в монг. из древнетюркского. Основа *torak* не совпадает с **tar-aq* ни фонетически, ни семантически; фиксируется с AbūN и чаг., халадж. *tuorāq*, турк. *doraq*, тур.диал. *torak* и *dorak*; чув. *tora*, *tōwara*; дун.-булг. заим. в венг. *turó* 'творог'; значение везде 'род творога, сыра'. См. обсуждение этимологий в ЭСТЯ 8, Doerf. 3, № 1195, VEWT 490. Эта основа может быть заимствованием из ср.-иран. **tura-ka*, ср. ав. *tūri-* 'створоженное молоко', имеющее ИЕ этимологию (см. Аб. 3, 319; из иранских форм ср. еще сак. (сомнительное) *ttūra* 'сыр' Bailey 132, см. еще 124 *tav-* 'киснуть', осет. *turae* 'жирный суп'. (Вторая тюркская основа, впрочем, также может быть иранизмом, ср. ав. *tāyuri-* 'род хлеба' Barth. 647, зороастр.

²²⁸ Датировки приводятся по: Кляшторный С.Г. Гуннская держава на востоке. // История древнего мира. Упадок древних обществ. М., 1989; Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983, глава 2: Древние китайцы и их соседи: этнорасовая характеристика, с. 56–104.

²²⁹ Но предлагаемой там параллели монг. *ṣīnoo* 'теленки' не существует: это 'волк'.

пехлеви *tē, но семантическое сходство здесь значительно меньше, фиксация хуже). Все иранские следы – северные восточно-иранские. Заимствование должно было пройти до общетюркского озвончения.

Заметим, что оба этих заимствования относятся к области молочного животноводства и содержания крупного рогатого скота, что кажется довольно естественным для ранних тюрко-восточно-иранских контактов (ср., например, основные семантические поля, в которые вошли иранские заимствования в финно-угорских языках).

3. (?) *dura 'башня, укрепление; четырехгранная бревенчатая или каменная постройка': с крх.-уйг., общетюрк., в т.ч. сибирское (без чув., як., тув.). См. СИГТЯ 1997, 486. Заим. в монг. *tura* 'крепость, город', зап.-бур. *tura* 'изба'. Алтайской этимологии не обнаружено. В принципе возможно заимствование из языков северного ираноязычного населения: ср. сак. *ttaura* 'стена' Bailey 134 (от глагола *tau-* 'cover'), осет. *tyrg* 'сени, навес, балкон, двор' Абаев 3, 341. Для сакского можно было бы предполагать тюркизм, но осет. не может быть тюркизмом, ср. к тому же скр. *toraņa* 'ворота'.

4. Возможно, к таким же древним заимствованиям можно относить зафиксированный в древнетюркском титул: орх.-тюрк., енис.-тюрк. *tarqan*, Pl. *tarqat*, др.-уйг. рунич. *tarqan*, Pl. *tarqat*, маних., будд. *tarqan* 'титул или должность; компонент имен собственных'; протобулг. ТАРКАНОС 'титул'; крх.-тюрк. *tarxan* 'языческое название для эмира' МК; чаг. *tarxan* 'сословие, освобожденное от податей и имеющее ряд других привилегий; одно из племен Джагатаева улуса' (скорее, чаг. – обратное заимствование из монг.); более поздние тюрк. формы, скорее всего, также являются монголизмами, отражая в своей семантике либо позднее монг. сужение значения, либо ордынскую общественно-политическую реалию: турк. *tarxan* 'привилегированное сословие; перен. избалованный' = аз. диал. *tārxa* 'избалованный', башк. *tarxan* 'привилегированное сословие', кирг. *darkan* 'кузнец', ккалп. *darqan* 'свободный, привольный', як. *darxan* 'важный, почтенный'; чув. *torxan* 'имя собственное; привилегированное сословие; компонент ряда имен сверхъестественных существ' (последнее значение может восходить к пратюрк.). Федотов 2, 239–240, EDT 539, ЭСТЯ 1980, 151–153. По остроумной гипотезе Э.Пулиблэнка, этот титул может отражаться в названии правителя гуннов *шаньюй* (др.-кит. чтение соответствующего кит. написания: *dān-γway) – Pulleyblanc 1962, 91. Тюрк. > монг. *darkan*: ср.-монг. *darkan* 'звание, совмещенное с определенными привилегиями' SH 32, письм.-монг. *darkan* 'мастер, сословие, свободное от податей' Kow. 1676, халха *darxan* 'сословие; мастер; кузнец', бур. *darxa(n)* 'кузнец; умелец; лично свободный', калм. *darxn* 'кузнец; сословие' Ramst. KWb 78. Многочисленные гипотезы о происхождении слова см. в Doerfer 2, 879, ЭСТЯ 1980, 152–153. Наиболее правдоподобной нам кажется иранская этимология, выдвинутая В.И.Абаевым: согд. *trχ'n* [*tarxān*] Gharib 9644 'титул' (в частности, князь Деваштич носил его, см. Фрейман 1962, 42–45), сак. *ttarkana-* 'титул' (кажется, впрочем, тюркский), осет. *tærxon* 'суд', скр. *tark-*

'решать, предполагать, судить' с индоевропейской этимологией (**t*lk-, WP I 744), см. Аб. III, 276–277. Все иранские следы относятся к восточной группе. В тюркские языки слово должно быть заимствовано достаточно рано, поскольку монг. заимствование из тюрк. еще отражает начальную звонкость (следствие общетюркского, но не тюрко-булгарского, озвончения *t-любого происхождения в позиции перед сочетанием *-rk-* – см. Дыбо 2003), впоследствии устраненную везде, кроме огузской и саянской групп (ср. киданьск. *dalaγan* Менгес ВЭ 155). Венг. *tarchan* 'olim iudex' (Абаев, со ссылкой на Мункачи), судя по значению, заимствовано непосредственно из аланского. Возможно, др.-уйг. *terken* 'царица', крх.-уйг. *terken* 'обращение к правителю; царица', хорезм.-тюрк. *tärkän* 'царевна' (Хосров и Ширин) EDT 544 представляет адаптацию восточно-иранского **tarkanaya-* или *tarkanē: относительное прилагательное или женский род.

5. (??) *arju*, *aršu* МК, IM 'шакал, гиена', *arju-la-* 'стоять как шакалы' поздн. др.-уйг., МК (Cl. 200: «the *-j-* suggests a foreign (?) Sogdian origin») – вост.-иран. *aršu 'медведь' > хсак. *arrä* Bailey 8, согд. 'ššh Gharib 1770, ванеди *yirž*, пушту *yaž*, сарыкол. *yurx*, сангличи *xars*, шугн. *yūrš*. Изменение значения при заимствовании может объясняться табуизацией.

6. *kumlak 'хмель'. Действительно общетюрк. и даже пратюрк. слово. С МК *qumlaq* (кыпчак.); ср.-кыпч., чаг. *qumlaq* 'растение, подмешиваемое в опьяняющий медовый напиток' Houtsma; Pav.C. 436. В новых языках: кыпч. кар. *кумлак*, *кумах*, тат. *құлмақ*, сиб.-тат. *қумлақ* Тум. ЗС 152, тат. диал., башк. *қумалақ*; ног. *қылмақ*²³⁰, каз., кирг. *қумлақ*, галт. *қуманақ*, хак. *хумнах*, шор. *кубанақ*; чув. *хәмла*; см. VEWT 299, EDT 628, ЭСТЯ 2000, 138–139, Федотов 2, 326. Булгар. > венг. *komly* (см. Gomb.BTLU 97, Gomb. 100–101, MNyTESz II 537). Из чув. языка заимствовано мар. *umla*, *эм̀ла* 'хмель' (см. Räs.ČLČ 235).

Предполагаемый иранский источник слова – аланский этимон осет. *х_сумеллаг* 'хмель' – последнее этимологизируется в Аб. IV 261 как словосложение *hauma-aryaka «арийская хаома». Этимология фонетически безупречна и семантически правдоподобна, названия хмеля в кавказских, тюркских, финно-угорских, славянских и германских языках объявляются аланизмами. Как правильно отмечает И.А.Шервашидзе, это единственный правдоподобный древний аланизм в тюркских языках. Заметим, что в других иранских языках рефлексy того же названия растения довольно твердо сохраняют значение 'хвойник, эфедра': **haumjā-* (для некоторых из приводимых лексем возможна и реконструкция **hauma-*) 'хвойник, эфедра': афг. *ūtm̄m*. 'кузьмичева трава, эфедра, хвойник (ephedra)' (Асл.: 93), согд. (al-Vīrūnī) *hwmt* 'Pflanzennamen', перс. *хоумт* 'эфедра, хвойник (ephedra)' (ПРСл II: 734), талыш. *h□эме* 'хмель; плющ' (Пирейко Л.А. Талышско-русский

²³⁰ Ног. *кутелек* 'хмель' может быть новым осетинским заимствованием, либо просто производным по *купе* 'горшочек', ср. аз. *кунчичију* 'фуксия' (вьющееся декоративное растение; цветы по форме похожи на цветы хмеля, но крупнее; букв. 'горшочек-цветок').

словарь. М., 1976, с. 242), ср. авест. *haoma-* 'zum Наома gehörig'; **haumāna-* 'хвойник, эфедра': афг. *ūmān* m. 'кузьмичёва трава, эфедра, хвойник (ephedra)' (Асл.: 92), мундж. *yūmana* 'хвойник', йидга *yūmenā* 'хвойник'; **haumāka-* 'хвойник, эфедра': вахан. *(y)it̪yik* 'хвойник, эфедра', тадж. диал. *xūmā* 'хвойник, эфедра'; **haumācī (+ak)* 'хвойник, эфедра': шугн. *amōjāk* 'эфедра, кузьмичева трава, хвойник' (Карамшоев 1: 91²³¹), рушан. *amōjāk* 'хвойник, эфедра', хуфск. *amōjāk* 'хвойник, эфедра' (см. Стебл.-Кам. НКР, Стебл.-Кам. Вах.) (см. Дыбо 1999). Хвойник, низкий кустарник семейства кипарисовых, не похож внешне на хмель, так что перенос семантики объясняется функционально: через переход на хмель для изготовления опьяняющих напитков. Но близкие к среднеазиатским виды хвойника распространены на Кавказе и в Северном Причерноморье (Деревья и кустарники СССР, 250), поэтому непонятно, зачем бы аланам в столь традиционной и ритуализованной области деятельности переходить на другой вид растения с переносом названия; однако талышская форма, безусловно, поддерживает осетинскую этимологию²³². Хронология аланских фонетических переходов также не противоречит предположению о заимствовании в тюрк.

Тюрк. слово имеет, в общем, почти удовлетворительную алтайскую этимологию: Палт. **k'iomolV* 'вид пахучего съедобного растения', монг. **kō meli* 'вид дикого лука/чеснока' Less. 487, халха *x(m)li* 'лук монгольский', ТМ **ximŋe-kte* 'черемуха' ССТМЯ 1, 318, яп. **kamira* 'вид чеснока' (EDAL). Булгарская форма могла бы послужить источником и славянским, и германским (ср. коллекцию булгаризмов в германских языках, собранную В.А.Терентьевым – Терентьев СТ) формам, и осет. слово также может быть булгаризмом. Во всяком случае, это подрывает надежность «единственного аланизма» в общетюркском. Если же все-таки принимать иранское происхождение пратюркского слова (в этом случае гораздо лучше выглядит семантическая сторона: чеснок и черемуха еще сопоставимы как резко пахнущие съедобные растения – и ср. параллельное соотношение в индоевропейском (черемуха – черемша), – но чеснок и хмель не сходны ни внешне, ни функционально, во всяком случае, хмель используется совершенно не как пахучее растение), то с хронологической точки зрения следует предполагать заимствование из языка восточноиранских носителей археологических культур Саяно-Алтайского региона, который, возможно, был близок к аланскому²³³.

²³¹ В Зарубин 1960: 89 значение этого слова представлено еще следующим образом: 'род кустарникового растения, зола которого употребляется при изготовлении жевательного табака (нас)'

²³² Ср. также Стебл.-Кам. НКР 56–57, где автор пытается свести к тому же слову мундж. название льна *yūmaŋa* через переход 'эфедра' > **конопля* (реально не представленное) > 'лен', считая изменение семантики в осет. типологической параллелью.

²³³ Еще один возможный пратюркский иранизм – **būtnūk* 'мята': чув. *pətnək*, тат. , башк. *bōtnək* 'мята', казах. *būtnūk* 'просвирник'. Федотов 1, 428. В принципе чув. форма может быть кыпчакизмом, и тогда иранизм поздний, но источник неясен. С иранской стороны имеем осет. *bit'na/bet'ina* 'мята' – по предположению в Аб. 1, 263 < груз. *p'i'na* 'мята', но, возможно, наобо-

Судя по полученным глоттохронологическим датировкам для иранского древа, заимствования из восточноиранских языков в пратюркский должны были проходить в период после распада сакской и аланской ветвей (лексикостатистическая датировка 660 г. до н.э.), уже из языков среднеиранского типа, но, возможно, до распада сакской и пуштунской ветвей (лексикостатистическая датировка 290 г. до н.э.).

Пратюркский и тохарский

Список предположительных тохаризмов в пратюркском, предлагаемый А.Рона-Ташем в ряде его работ, кажется содержащим ряд сомнительных предположений, мы предпочли бы здесь относительно скептическую точку зрения, предложенную в Reinhart 1990²³⁴. Кроме общепринятых поздних заимствований, о которых см. ниже, практически все эти предполагаемые заимствования имеют достаточно обоснованные алтайские этимологии – см. EDAL. Исключение составляет тюрк. **bēl'k* 'пять', которое, впрочем, вряд ли в такой реконструкции (учитывающей чувашское развитие, см. СИГТЯ 2002, 350) может быть сопоставлено с пратохарским **pāñs* 'пять' Adams №2099. Очень предположительно к тохаризмам можно было бы отнести пратюркское название яблока – поскольку оно явно заимствовано из какого-то индоевропейского, но не из иранского языка, сохраняющего различие между *r* и *l*: **alma*, крх.-уйг. *alma* (МК) ~ *alymla* (МК); чув. *ulma* (см. СИГТЯ 1997, 145) при ИЕ **amel-* 'плодовое дерево, его плод' (др.-греч. *ámpelo-s* f. 'виноградная лоза', герм. **amil-ōn-* f. 'какое-то плодовое дерево', галл. *amella* 'Gaisblatt' WP I 179, возможно, также хетт. *sham(a)lu*, лув. пом.-асс. sg. *šamluwan-za* 'яблоко' Иванов–Гамкрелидзе 639–640), > скр. *ā mra-* m. 'дерево манго', иран. **(a)marna-* Стебл.-Кам. НКР 103–104, (> финно-угор. **omarna-* > фин. *omena*, морд. *umar* SKES 429–430) 'яблоко', **amru-* 'груша' Стебл.-Кам. НКР 108. Предположительный источник тюркского слова должен был бы выглядеть как **amla* 'яблоко' – рефлекс и значение, в принципе возможные для тохарского. К сожалению, тохарское название яблока не зафиксировано. Еще три фитонима, реконструируемых для пратюркского (имеющих закономерную чувашскую параллель) и подозрительных на индоевропейское (но не иранское, ср. кентумный рефлекс **-g'-*) происхождение – **ekel* 'желудь, шишка' (ср. ИЕ **aig'-il-* 'дерево (вид дуба); его плод' WP I 10), **elmen* 'ильм, осина, вяз' (ср. ИЕ **elcm-* 'дерево

рот (грузинское слово не имеет картвельской этимологии), – памир. шугн., барт. *widn*, руш. *widn*, вах. *wadn*, мундж. *wādn*, пушту *welōna*, перс. *pūdina*, сивенди *pīdn*, курд. *pun*, афтари *putunik* (последнее может быть тюркизмом) и т.д. См. Стебл.-Кам. Вах. 386, Стебл.-Кам. НКР 121–122, где иранские формы считаются адаптацией бродячего слова. Но по крайней мере восточно-иранские формы достаточно надежно возводятся к иран. глагольному корню **baud-* 'пахнуть' (авест. *baoda-* Barth. 000, согд. *bwδ-* Gharib 2879, Mgst. EPsh 86 **baudyana-*); западно-иранские формы в принципе могут быть заимствованиями из вост.-иранского с оглушением. Тюрк. форма – если пратюркская – может быть восточно-иранизмом.

²³⁴ О более поздних тохаризмах в тюркских языках см. ниже.

(вяз) WP I 151) и **ab(u)s-ak* 'осина, тополь' (ср. ИЕ **ap[uj]s-* 'осина, тополь, ясень' WP I 50, сопоставление предложено в Róna-Tas TE) ограничены в распространении – см. СИГТЯ 1997, 121, 126, 131 (что может быть обусловлено ограниченностью распространения соответствующих растений на нынешней тюркской территории – см. выше в разделе о ботанической терминологии и миграциях тюрков), и при этом не имеют твердых алтайских этимологий. Фонетически они вполне могли бы возводиться к общетохарским рефлексам соответствующих индоевропейских основ (распад общетохарского на языки А и В датируется глоттохронологически 20 г. до н.э.), но таковых рефлексов в тохарских памятниках не обнаружено.

Интересна коллекция потенциальных пратюркских заимствований в общетохарском, опубликованная А.Лубоцким и С.А.Старостиным (Lubotsky–Starostin; значительная доля этих этимологических предложений повторяют предложенные А.Рона-Ташем, но с обратным направлением заимствования): сюда входят следующие слова (не имеющие удовлетворительных индоевропейских этимологий): 1. тох. А *kam*, тох. В *kaum* 'солнце, день' < ПТох. **kaun(V)*: ПТюрк. **gün(él)/*gunal* (др.-уйг. *kün* 'солнце, день', турк. *gün* 'id.' и пр.) < ПАлт. **gjojnu* 'рассвет, дневной свет' («Важно, что совмещение значений 'солнце' и 'день' довольно необычно для индоевропейских языков, что является сильным показанием в пользу заимствования» – А.Л., С.С.). 2. тох. А *ālē*, тох. В *alyiye** 'кисть руки, ладонь' < ПТох. **āl'ye*: ПТюрк. **āja* 'id.' (др.-уйг. *aja*, турк. *āja*, и пр.) < **ālja* < ПАлт. **p'ālja* (ПМонг. **haliga(n)*, ПТМ **palja* 'кисть руки', возможно, также ПКор. **pār* 'охапка'). Заимствование должно быть относительно старым, до пратюркской замены **āja* < **ālja*. 3. тох. А *tor*, тох. В *taur* 'пыль' < ПТох. **taur*: ПТюрк. **tōr* 'пыль' (др.-уйг. *toz*, турк. *tōz*) < ПАлт. **t'ōre* 'почва, пыль' (письм.-монг. *toru* 'пыль в воздухе'; ПТМ **turV*, и пр.). Заимствование должно было произойти до перехода **r* > *z*. 4. тох. В *ām* 'тишина', adv. 'тихо, спокойно': ПТюрк. **am-* 'быть тихим, спокойным' (др.-тюрк. *amul*, *amyl* 'тихий, спокойный') < ПАлт. **āmV* (ПМонг. **amu-*, **ami-* 'отдыхать', ПТМ **ām-* 'спать'). 5. тох. А *kanak*, В *kenek* < ПТох. **kenek* 'хлопковая ткань': ПТюрк. **kōjje-lek*, **kōjgek* 'рубашка' (крх. *kōjlek*, турк. *kōjnek*) < ПАлт. **k'juni* 'нить, ткань' (ПМонг. **kejeŋ* 'кромка ткани', ПКор. **kinh* 'веревка, тесемка, кисточка', ПЯп. **kinu* 'шелк, ткань, платье'). 6. тох. В *olya* 'больше': ПТюрк. **ulug* 'большой, великий' (др.-уйг. *uluu*, турк. *ulu* и пр.) < ПАлт. **ulu/o* (ПМонг. **olon* 'много', ПТМ **ulc-* 'хороший', ПКор. **ōr* 'целиком, полностью'). 7. тох. А *tmām*, тох. В *t(u)māne* 'десять тысяч, мириада' < ПТох. **t(ə)māne*: ПТюрк. **Tūmen* 'десять тысяч; очень много' (др.-уйг. *tūmen*, турк. *tūmen*) < ПАлт. **čjumi* 'большое число' (ср. ПКор. **čjūmyn* 'тысяча'). 8. тох. В *pārseri** '(головная) вошь': ПТюрк. **bürče* 'блоха' (тат. *börče*, кум. *bürče*, чув. *pъ^wrza*, и пр.) < ПАлт. **bjure* (письм.-монг. *bürge*, *büürge* 'вошь', ПКор. **pjərok* 'блоха'). 9. тох. В *yase** 'стыд': ПТюрк. **jās* 'потеря, вред, стыд' (др.-уйг. *jas* 'потеря, вред', як. *sāt* 'стыд' и пр.) < ПАлт. **ziāsu* 'потеря, вред'. 10. тох. В *kärk-* 'грабить, воровать': ПТюрк.

*Kar-ak ‘разбойник’ (др.-уйг. *qaraq-çu*, турк. *Gara* и пр.) < ПАлт. **kara* ‘напротив; враг’. Три последних слова, будучи засвидетельствованы только в тохарском В, могут относиться к другой категории тюркизмов в тохарском, о которой см. ниже. Отметим, что и здесь речь может идти о заимствовании, во-первых, до перехода *r' > z* в тюркском, во-вторых, до распада пратохарского (так сказать, до 20 г. до н.э.).

Предполагаемое всеми этими датировками время и место существования и распада тюркского праязыка, как кажется, достаточно хорошо укладывается на широкую территорию между нынешним Ордосом и южным Саяно-Алтаем, в рамках археологической культуры Лоуфань, носители которой занимались отгонным скотоводством на большой территории, и которая соседствует с юэжжи, обнаруживает обширные связи с Китаем и более скромные – с пазырыкской (этнически иранской) культурой – причем, скорее всего, они связаны с полученной на какой-то срок пазырыкской по происхождению правящей династией – см. Шульга 1999, см. также наст. книгу, с. 393.

Пратюркский и самодийский

Что касается самодийских заимствований в пратюркском, последний по времени обзор с оценкой достоверности и возможного времени заимствования см. в Хелимский 2000, 301–312²³⁵. Мы можем заметить по этому поводу следующее: Е.А.Хелимский оценивает как надежные заимствования в пратюркский и общетюркский 7 этимологий (1. ПС **kaotyə* ‘ель’ > ПТ **kady* ‘сосна’, 2. ПС **ki*, **kilz* ‘соболь’ > ПТ **kīl* ‘соболь’, 3. ПС **tyteç* ‘сибирский кедр’ > ОТ **tyt* ‘лиственница’, 4. ПС **koəjə* ‘гора, водораздел’ > ОТ **K(i)aja* ‘скала, гора’, 5. ПС **käsa* ‘кора’ > ОТ **kās* ‘кора’, 6. ПС **kacu* ‘метель’ > ОТ **kād* ‘метель, непогода, буря’, 7. ПС **talä-* ‘воровать’ > ПТ **tāla-* ‘грабить’); глоттохронологическая датировка распада прасамодийского – 410 г. до н.э. (отпадение селькупского языка), распад остальных

²³⁵ О невозможности заимствования в общетюркский из обско-угорских языков слова **degin* ‘белка’ см. СИГТЯ 1997, 165. ПТ **kundur* ‘бобр’ (СИГТЯ 1997, 162) не этимологизируется однозначно, и в принципе может быть заимствован из – или с тем же успехом может быть источником – праугорского **kuntz* ‘бобр’ (MNYTESz 2, 127), не имеющего дальнейших финно-угорских параллелей. В настоящее время бобр слабо распространен к востоку от Урала (мелкими точечными ареалами в районе Обь-Иртышья и далее в верховьях Енисея и до оз. Байкал – Млекопитающие СССР 281, карта 140), редок он и южнее (Мурзаев 1966, 250: ныне отсутствует «почти по всей Внутренней Азии, кроме верховьев Урунгу и, возможно, некоторых притоков верхней части Черного Иртыша», т.е. в Джунгарии); но (там же) «столь ограниченный ареал нужно рассматривать как реликтовый», так что нельзя исключить того, что он был известен в горных (и тем самым лесных) регионах прародины тюрков. Если же принимать заимствование из праугорского, то, видимо, следует признать одиночный характер этого заимствования (возможно, происшедшего вследствие торговых отношений в рамках восточно-западных торговых путей). Распад венгерского с обско-угорским датируется глоттохронологически около 1000 г. до н.э., распад хантыйского и мансийского – 130 г.н.э.; можно думать о заимствовании в пратюркский праобско-угорской суффиксальной формы: **kuntz-l'* (в UEW 858 наоборот, заимствование бессуффиксальной формы в праугорский, но культурно и исторически это менее вероятно).

языков на северную и южную группы – 160 г. до н.э., что, в общем, согласуется с возможностью заимствования в пратюркский из прасамодийского (предположительная локализация применительно к I тыс. до н.э. – восточная часть Обь-Иргышья – Хелимский 2000, 17), или праюжносамодийского. Последующие разработки алтайского родства, впрочем, не подтверждают этих заимствований, поскольку все эти основы получили довольно убедительные алтайские этимологии (EDAL: 1. Палт. **ke(n)da* ‘вид хвойного дерева’: ПТ **Kādy* ‘сосна’, ПТМ **kēndē-* ‘туя’; 2. Палт. **k’jūla* ‘соболь, белка’: ПТ **kīl* ‘соболь’, ПМонг. **kulgana* ‘мышь’, ПТМ **xulu-kī* ‘белка’; 3. Палт. **čākte* ‘сосна, лиственница’: ПТ **Tñ* ‘лиственница’, ПТМ **žagda* ‘сосна’; 4. Палт. **kadV* ‘скала, гора’: ПТ **K(i)aja* (?) ‘скала’, ПМонг. **kada* ‘скала’, ПТМ **kada* ‘скала’; 5. Палт. **k’jōšē-* ‘скрести, брить’: ПТ **Kas* ‘кора; обдирать’, ПМонг. **kisu-* ‘скрести, брить’, ПТМ **xuši/*kuši* ‘нож’, ПЯп. **kusa/*kōsa-i* ‘экзема’; 6. Палт. **k’čdo* ‘ветер, туман’: ПТ **Kad* ‘ненастье, буря’, ПМонг. **küdeŋ* ‘туман’, ПТМ **xedün* ‘ветер’, ПЯп. **kəti* ‘восточный ветер’; 7. Палт. **t’āla-* ‘грабить, похищать’: ПТ **tāla-* ‘грабить’, ПМонг. **tala-* ‘грабить’, ПКор. **tar’ai-* ‘соблазнять, заманивать’, ПЯп. **tara-s-* ‘соблазнять, обманывать’). Вот, однако, те случаи, когда самодийское заимствование с формальной точки зрения представляется все же более вероятным, чем алтайская этимология: 4. ПС **koǰə* ‘гора, водораздел’ > ОТ **K(i)aja* ‘скала, гора’. Самодийское слово имеет уральскую этимологию (хотя и необщепринятую: ПУ **kad’a* > венг. *hegy* ‘верхушка, гора’), тюркское серьезно нарушает стандартную схему развития Палт. **d* > ПТ **d*, демонстрируя **j* вместо **d*. 5. ПС **kāsa* ‘кора’ > ОТ **kās* ‘кора’. Тюркское слово по семантике несколько выбивается из алтайской этимологии, самодийское имеет нормальную уральскую этимологию (ПФУ **ko(n)čkz* ‘кора’). Случай 1. ПС **kaətyə* ‘ель’ > ПТ **kady* ‘сосна’ и 3. ПС **tyteŋ* ‘сибирский кедр’ > ОТ **tūt* ‘лиственница’, кроме противоречащего гипотезе о заимствовании факта наличия алтайских этимологий у тюркских слов, хотя и парных, но фонетически и семантически вполне правильных, оба предполагают одну и ту же семантическую (и культурную) странность. А именно, при принятии гипотезы о самодийском заимствовании оказывается, что тюрки почему-то, приобретая название ранее неизвестного им дерева (ср. Терентьев 1999, с. 180: «То, что в тюркских языках это слово стало значить «сосна», не должно смущать нас, ибо... пратюрки, обитая в степной зоне, не были хорошо осведомлены о породах хвойных деревьев»), заимствовали для него название совсем другого дерева. Что касается географии распространения обсуждаемых деревьев, см. выше соответствующий раздел настоящей книги; отметим, что кедр засвидетельствован на южных склонах Монгольского Алтая (это – крайняя южная граница его распространения, ср. Мурзаев 1966, 216), лиственница же распространена гораздо дальше на восток и юг, в частности, на Тянь-Шане и в Ордосе, то есть гораздо ближе к предполагаемым местам обитания пратюрков – и скорее всего была им хорошо известна, как и сосна, и ель; в таких обстоятельствах заимст-

вание названия кедра для обозначения лиственницы, или ели для обозначения сосны маловероятно.

Что касается случая 2. ПС **ki*, **kilz* 'соболь' > ПТ **kīl* 'соболь', то самодийское слово не имеет хорошей уральской этимологии (ср. новую этимологию ПФУ **kad'wz* 'самка', обычно сопоставляемого с ПС **ki*; ПС **ksjmä* 'самка' Janhunen 66, значительно более приемлемую фонетически и семантически – Aikio 2002). Согласно зоологическим данным, соболь обитает в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, но в Западную Сибирь ареал его распространения заходит довольно относительно (см. карту 75 в Млекопитающие СССР, 137: небольшая территория севернее среднего течения Оби), в то время, как бассейны Енисея и Лены захватывает полностью и даже заходит южнее их истоков. В общем, гораздо более вероятно заимствование в прасамодийский из пратюркского (с последующим общесамодийским переходом **-l > *-j* на конце слога).

Таким образом, приходится отказаться от гипотезы о заимствовании из прасамодийского в пратюркский наименований основных «таежных реалий». Надо сказать, что в связи с этим гораздо более сомнительно выглядят и рассмотренные выше случаи 1. и 3. – при отсутствии массивованного заимствования из прасамодийского в пратюркский культурной лексики маловероятно заимствование таких слов как «кора» и «скала» (из которых первое даже входит в 100-словник Сводеша, по определению мало проницаемый).

Последнее по времени обсуждение предполагаемых заимствований из пратюркского в прасамодийский опубликовано, по-видимому, В.А.Терентьевым (Терентьев 1999, с. 182–194). Из рассмотренных им 80 этимологий, для которых он предполагает разную степень достоверности, следующие достоверны семантически и фонетически и в какой-то мере отвечают критерию культурной обусловленности²³⁶:

²³⁶ По-видимому, нуждаются в комментарии следующие предполагаемые заимствования из пратюркского в самодийский. 1. По семантическим причинам сомнительна возможность заимствования нен. *to* 'одеяло' из тюрк. **dōn* 'халат'; камас. *ton* 'шуба', как правильно указывает В.А.Терентьев, скорее всего, позднее заимствование из какого-то сибирско-тюркского языка. 2. ПТ **kap* 'хватать' > ПС **kəpi-* 'вырывать' – но ср. Ур **kappV* (Szin. 35), общеностратический корень, так что гипотеза о заимствовании излишня. 3. ПТ **kalbuk* > **kašuk* 'ложка' > ПС **kājwa* 'лопата, совок, весло' Janhunen 63 (нган., нен., камас.). Ср. нормальную уральскую этимологию самодийского слова: UEW 170–171. 4. ПТ **Kugu* 'лебедь' > ПС **kukə* (Janhunen 76–77) (нен. тундр., тагги); скорее следует предполагать заимствование из ТМ **kūku* /**xūku* ССТМЯ 1, 426–427; 2, 336. 5. ПТ **ködeč* (VEWT 286) 'сосуд' не существует, см. *Дыбо*. К языковым контактам, соответствующие формы разделяются по трем разным этимологиям, среди которых имеется сиб.-тюрк.: хак. *ködes* 'глиняный горшок, чугунок', шор. *ködeš* id., сюг. *kodiš* 'очаг' (< **gōtič*), восходящие к **gōteč*, которое может иметь алт. этимологию: ТМ **kota* 'посуда, чашка, миска' ССТМЯ 1, 418. Соответственно, становится менее вероятным заимствование в ПС **kuttä* > нган. *kita* 'черпак', эн. лесн. *kide* 'сосуд, похожий на корыто', нен. тундр. *хыдя* 'чашка, миска'; возможно, из ПТМ?. 6. **Küren* 'хорек, ласка' > сельк. *kury*, камас. *kürö* 'горностай'. Не оправдано предположение Терентьева о более раннем значении 'горностай' в тюркских языках, поскольку венг. заимствование из булг. – *göreny* – значит тоже 'хорек', а в пратюрк. восстанавливается другое слово для горностая, **iars*, см. СИГТЯ 1997, 163; фонетически

1. ПТ **jūr* ‘сто’ > ПС **jūr* ‘сто’ Janhunen 50 (без селькуп.), ср. Хелимский 289; 2. ОТ **junt* ‘лошадь’ > ПС **junta* ‘лошадь’ Janhunen 49; 3. ОТ **jama-* ‘латать, штопать’ > ПС **jemnə-* Janhunen 42 (без селькуп.); 4. Огузо-карлуко-кыпч. **bal'mak* ‘вид обуви’ > ПС **päjma* ‘сапог, обувь’ Janhunen 118; 5. ОТ **jasa-* ‘строить, устраивать’ > ПС **jesc-* ‘ставить чум’ Терентьев 188 (нен.-селькуп.); 6. ПТ **(h)çkir* ‘близнецы’ > ПС **jckə* ‘близнец’ Janhunen 34 (сев.-сам.-селькуп.); 7. ПТ **balyk* ‘рыба’ > ПС **pəjkz* ‘юкола, балык, вобла’ (только эн., нен.) Терентьев 182; 8. ПТ **(h)ēke-* ‘точить’ > ПС **jika-* ‘точить, пилить’ (только эн. тундр. *d'iyit'e*, нен. тундр. *ихи-* ‘потереть, втереть краску, точить’ Терентьев 184, для нен. возможно заимствование из сев.-тунг. *hiki-* ‘тереть, растирать’ ССТМЯ 2, 323); 9. ПТ **kyn* ‘ножны’ > ПС **ken* Janhunen 67 (общее, без селькуп.); 10. ПТ **kan* ‘правитель’ > ПС **kaŋ* ‘тж’ Joki 192, Терентьев 185 (камас. *qoŋ*, койб. *kon*, караг. *kok*, сельк. *koŋ*, нен. лесн. *kāŋ, kāk*); 11. (?) ОТ **dāl* ‘ветка, ива’ > ПС **taəj* ‘ветвь, сук’ Helinski 1997, 349 (матор., караг.); 12. ПТ **bat-* ‘погружаться’ > ПС **pət-* ‘тж’ Janhunen 115; 13. ПТ **ür* ‘жир’ > ПС **jür* ‘тж’ Janhunen 50 (см. Helinski – Stachowski 1995, p. 42–43: «The suggested etymology raises doubts mainly from the "Woerter und Sachen" viewpoint... Phonetically, however, the comparison creates little or no problems»). Сюда же, как было указано выше, можно отнести и прасамодийское название соболя. Заметим еще раз, что соответствующие тюрко-самодийские отношения следует, таким образом, относить ко времени, отстоящему довольно далеко от распада пратюркского, то есть ко времени до 410 г. до н.э. (до отпадения селькупского), так что следовало бы ожидать довольно архаичных фонетических явлений.

Пратюркский и праенисейский

Ниже мы ориентируемся на реконструкцию праенисейской фонетики, проделанную в Старостин 1982, и праенисейский лексикон, реконструированный в Старостин 1995, а также расширенный и учитывающий новейшую литературу вариант его, опубликованный в Internet по адресу www.starling.ginet.ru²³⁷. Распад праенисейского языка по этим данным датируется глоттохронологически рубежом нашей эры, когда выделяются две ветви – «кетская» и «коттская». От «кетской» отделяется в V в. н.э. пумпокольский язык, затем в XII в. н.э. распадаются кетский и югский языки. Коттская группа в VI в. н.э. распадается на коттский и аринский.

Довольно хорошо известен ряд заимствований между енисейскими и сибирско-тюркскими языками в исторические времена. Ниже предлагается список возможных заимствований в праенисейский и отдельные енисей-

---

селькупская и камасинская форма плохо возводятся к ПС состоянию, но раздельное заимствование из тюрк. невозможно. Из монг.? Почему не сравнить венг. непосредственно с самод.?

²³⁷ По сравнению с «бумажной» публикацией, там, в частности, учитываются и обсуждаются этимологии из Werner 2002.

ские группы из пратюркского и, возможно, отдельных тюркских групп²³⁸.

Займствования в прасеисейский (не позднее рубежа эры); 1. ПЕН **χətyr* ‘сукно, войлок’ (КС 1995, с. 305, кет., юг., котт.) < ПТ **kidir* ‘войлок’ > ОТ **kidiz* СИГТЯ 1997, 392; 2. ПЕН **ʔiʔn* ‘игла’ (КС 1995, с. 192: предложена также сино-кавказская этимология) < ПТ > ОТ **(j)igne, jigne* ЭСТЯ 1974, 367–369, СИГТЯ 1997, 106; займствование предложено в Stachowski 1996, с. 96. 3. ПЕН **ʔVʔrI* ‘петь, песня’ (КС 1995, с. 202) < ПТ > ОТ **yr* СИГТЯ 1997, 610; займствование предложено в Stachowski 1997/2, 233; 4. ? ПЕН **dam-* в **dam-χux* ‘окно’ (КС 1995, с. 219, второй компонент композита обозначает дырку, этимология первого неясна) < ПТ > ОТ **dām* ‘стена’ СИГТЯ 1997, 529; 5. ПЕН **KVlpV* ‘ложка’ (КС 1995, с. 243, коттско-аринско-пумпокольское: предложена также сино-кавказская этимология, небезупречная фонетически) < ПТ ***kalbuk* > ПТ **kaluk* > ОТ **kašuk* (NB: фонетический облик слова более архаичен, чем можно предполагать для пратюркского языка периода первого распада, поскольку в болгарской группе мы также видим уже результат развития **lp > l̄*, о самом развитии сочетания, восстанавливаемого на основании алтайских параллелей тюркского слова, см. Street 286–287); 6. ПЕН **dōli* ‘ива’ (КС 1995, с. 221) < ПТ > ОТ **dal* ‘ива’ СИГТЯ 1997, 125–126; 7. ПЕН **χəpVr* ‘пена’ (КС 1995, с. 304, кет., юг., котт.) < ПТ **kōp-* > ПТ **kōpük* ‘пена’, ОТ **kōpür-* ‘пениться’ ЭСТЯ 1997, 108–111; 8. ? ПЕН **bət* ‘ленок’ (КС 1995, с. 209–210, кет., юг., котт.) < ОТ **bynyt* ‘ленок’ (VEWT 336, СИГТЯ 1997, 177: якутско-саянский, но с алтайскими параллелями). Ср. также селькуп. *moeten* id. (Хелимский КС 240): из тюрк.?

Займствования, происшедшие не позднее VI в. н.э. (только в «коттской» ветви): 1. ПЕН **KuPurKVn* ‘лук (растение)’ (КС 1995, с. 243, коттско-ассамско-аринское) < ОТ **gEmürgen* ‘дикий лук или чеснок’: др.-тюрк. *kövürgen* (МК), *kömürgen* (МК – огуз.), возможно, займствование из тюркских языков Сибири (кыргызское?), ср. хак. *köbørgen*, галт. *köbürgen*, кирг. *köbürgön*. См. СИГТЯ 1997, 124, ЭСТЯ 1980, 100 (развитие **m > *b*, возможно, под влиянием **kōpür-* ‘пениться’); 2. ПЕН **jus* ‘сто’ (КС 1995, с. 233, коттско-аринское, при наличии общесеисейской сотни, имеющей сино-кавказскую этимологию, **ʔalVs-(tamsV)*) < ОТ **jüz* < ПТ **jūr* ‘сто’; тоже кыргызское? Возможно, впрочем, и раздельное займствование.

Займствования, происшедшие не позднее XII в. н.э. (только в кетско-югской подветви): 1. ПЕН **ʔalǵV* ‘ерш’ (КС 1995, с. 245, кетско-югское) < ПТ **bālyk* ‘рыба’ ЭСТЯ 1978, 59–60, СИГТЯ 1997, 177, Федотов 1, 443; 2. ПЕН **ʔGV-* ‘точить’ (КС 1995, с. 195, кетско-югское, предложена сино-кавказская этимология) < ПТ **ēke-* ‘пилить, обтачивать’ СИГТЯ 1997, 399, возможно, уже из тюркских языков Сибири, ср. хак. *ige-* и под.; 3. ПЕН **ʔuʔǵ-* ‘поясница’ (КС 1995, с. 200, кетско-югское) < ПТ **ūča* ЭСТЯ 1974,

²³⁸ Все предполагаемые тюркские слова – источники займствования имеют алтайскую этимологию, см. EDAL.

566–567, возможно, уже из тюркских языков Сибири, ср. хак. *uça*, тув. *uža* и пр.; 4. ПЕН **si?id* ‘ремешок’ (КС 1995, с. 274, кетско-югское) < ПТ **syd-* > хак. *syzym* ‘лента на шаманской колотушке’, чув. *šygaś* ‘кайма, тесьма’ EDT 799–800, ЭСТЯ 2003, 253.

Два потенциальных контактных тюрко-енисейских слова нуждаются в отдельном обсуждении. 1. ПЕН **so?/G/xom* ‘стрела с тупым наконечником’ (КС 1995, с. 276, кетско-югское, предложена сино-кавказская этимология). Соответствующая реалья – стрела на белку, *суом* – у кетов описывается следующим образом: «У стрелы на белку...наконечник был тупой, овальный, вырезанный вместе с древком... Иногда вместо деревянного наконечника насаживали роговой, такой же формы (стрелы тогда называли *кок суом*, *кок* ‘рог’). Тупые наконечники не портили шкурки. При охоте на белку кеты пользовались также стрелами для вспугивания зверька... Овальный деревянный наконечник у этих стрел был выдолблен изнутри. На поверхности его имелись сквозные отверстия. При полете стрелы воздух, попадая в отверстия, вызывал свист, который пугал и выгонял из гнезда спрятавшуюся белку» (Алексеевко Е.А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967. С. 54). Там же сообщается, что кетский лук славился еще в 18 в. на всем Енисейском Севере и являлся предметом обмена с другими народами. «Русские купцы ввозили кетские луки к ненцам, долганам и нганасанам» (Народы Сибири. М.-Л., 1956. С.689). Похожий по форме металлический босвой наконечник с отверстиями мы видим на таблице XLIV в книге М.В.Горелика «Оружие Древнего Востока» (М., 1993, с. 304, № 97: Алтай, VI в. до н.э.); вообще считается, что такие наконечники распространяются с гуннами. При этом мы имеем ОТ **sokom/n* ‘стрела, наконечник стрелы’: др.-кыпч. *soqum* МК ‘деревянный свистящий наконечник стрелы’ («деревяшка с выдолбленной серединой; конической формы, имеет отверстия с трех сторон, надевается на конец древка стрелы; это свисток»), *baqyr soqum* МК, QB ‘планета Марс’ (букв. «медный соким»); ст.-кыпч. *sayan* ‘острие стрелы’ (АН, м.б. описка вместо *soqum*) СІ. EDT 811, хак. *soyan* ‘стрела для лука’, шор. *soyan* ‘стрела для лука’, галт. *soyon*, (лебед.) *soyono* ‘стрела для лука’ (Р IV 529: лебед. *soyon* ‘железный наконечник стрелы’), *cokkon* Р IV 523 (тел.) ‘железный наконечник стрелы’, тув., тоф. *soyun* ‘стрела для лука’ СИГТЯ 1997, 571, ЭСТЯ 2003, 277. Алтайской этимологии слово не имеет, вопреки EDAL, поскольку в середине слова восстанавливается глухой, и его нельзя сопоставить с Палт **šjoga* ‘лук, арбалет, стрела’: ПМонг **sayali* ‘арбалет’, ПТМ **sug-* ‘копье, стрела; острога; вид ножа’ ССТМЯ 2, 118; ПКор **hoar* ‘лук и стрела’, ПЯп **sa* ‘стрела’. Но его можно легко (вслед за Дж.Клосоном) объяснить как *ṭōäēäāīēüīē ṭōēçāīāīē* от *sok-* ‘вставлять’ (довольно удачно в силу нормального соотношения семантики ‘наконечник стрелы’ = ‘втулка, вставка’). Фактическое тождество реалий, стоящих за кетским и древнетюркским словами, однако, побуждает видеть здесь либо заимствование в общетюркский из енисейского – во всяком случае, не по

отдельности в сибирские языки, поскольку тогда плохо объяснимо развитие семантики и изменение конечного *m* в *n*, – либо в енисейский до 12 в. из (обще) тюркского? Кыркызского? Еще более раннее из пратюркского? 2. ПЕН **kūn* ‘росомаха’ (КС 1995, с. 242, кетско-югско-пумпокольское, предложена сино-кавказская этимология; имеется еще одно ПЕН название росوماхи): ср. тюрк. формы: шор. *kunu*, тат. Сиб. *kunu*, хак. *kunu* ‘росомаха’, башк. *qono*, кар. *quna* ‘куница’ VEWT 300, СИГТЯ 1997, 162. Ср. еще маторско-тайгиско-карагасское *kun'e* ‘горностай’ Helimski 1997, 34. Все эти слова несомненно напоминают общеностратическое название куницы (ПИЕ **kūn-*, ПКартв. **kwen-* МССНЯ 346), но тюркское слово не может быть к нему параллелью, поскольку, скорее всего, таковою является ПАлт **kūren-* > ПТ **Kūren* ‘хорек, ласка, куница’ (см. EDAL). При ближайшем рассмотрении оказывается, что тюркские формы можно разделить: сиб.-тат., шор. и хак. *kunu* ‘росомаха’ считать заимствованием из енисейских языков, а башк. *qono* и кар. *quna* ‘куница’, оба восходящие к **kuna*, считать заимствованием (по-видимому, вначале в половецкий) из хорошо известного др.-рус. *коуна* ‘куница; денежная единица’. Проблему представляет самодийская форма: для енисейского (или сибирско-тюркского) заимствования у нее странное развитие значения, для уральской параллели к ностратической форме она слишком изолирована. Что касается заимствований названия росوماхи, ср. ПТ **jēbke* ‘росомаха’: хак. *jekpe*, як. *siegen*, долг. *hiegen*, тув. *čekpe* VEWT 195 (имеет алтайскую этимологию: ПАлт **zīpe* ‘вид крупного хищника’: ПМонг **sibor* ‘барс’, ПТМ **sibigē* ‘волк, медведь’), – заимствовано в аринское *джин'ка* ‘куница’, камас. *джалка* ‘куница’, маторско-тайгиско-карагасское *джибке* ‘росомаха’ (Паллас) – см. Хелимский, Keto-Uralica, 248, также со странным развитием значений. Современный ареал обитания росوماхи полностью захватывает бассейны Енисея, Лены и более восточные и южные области; в Обь-Иртышье росомаха представлена гораздо хуже (Млекопитающие СССР, с. 42–43, карта 79). Таким образом, географически легче всего представить себе заимствование в самодийские языки из енисейских либо тюркских; но, судя по варьированию значения, мы имеем дело с поздними взаимными заимствованиями в саянском регионе – скорее, табуистического характера.

Заметим, что слова «рыба», «точить» и «ива» попали в списки праязыковых заимствований и в прасамодийский, и в пранисейский. Очевидно, заимствования между всеми тремя праязыками происходили на контактной территории, включающей енисейскую и самодийскую прародины. Датировать эти контакты было бы естественно начальным периодом продвижения тюрков на северо-запад, соответственно, согласуя с другими датировками и локализациями, II–I веками до н.э. (заметим, что шаньюй Маодунь подчинил гуннской державе племена Саян, Алтая и Верхнего Енисея в 203–202 г. до н.э. – Восточный Туркестан 1992, с. 118). В связи с этим можно предполагать, что современная глоттохронологическая датировка распада самодийского праязыка несколько заглублена, возможно, следует вернуться к тра-

диционной датировке рубежом эры (см., например, Хелимский 1982, 45–46).

ОБЩЕТЮРКСКАЯ И ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ ЭПОХА

Второй уровень узлов на наших двух деревьях сильно различается. В первом случае (неотредактированные списки) это разделение на три ветви, которые можно определить как якутскую, сибирскую и остаток; разделение датируется 160 г. н.э. Во втором случае (отредактированные списки) так же датируется разделение на четыре ветви: якутскую, саянскую (тобаскую), огузскую в широком смысле (с включением древнетюркского) и остаток (условно можно назвать его центральной группой). Следует отметить, что ни одно из древ не показывает особого якуто-саянского единства, которое иногда предполагают на основании двух интересных, но явно не «связанных» фонетических черт: (а) развитие фрикативного интервокального **-δ-* (аллофона **d*) во взрывной и (б) развитие *-rk > -rt* в ауслауте. Предположительно общее изменение **a > u* в якутском и тувинском в действительности представляет собой два разных процесса: в якутском *u* развивается из **a* закрытого и из **a* открытого в позиции перед *-j*, а в саянской группе оно развивается из **a* открытого перед старыми лабиализованными гласными второго слога. Статус «сибирской группы», включающей саянскую, был не вполне ясен даже для тех тюркологов, которые ее предлагали; в лучшем случае можно видеть одну общую фонетическую изоглоссу для киргизской и тобаской групп – сохранение конечных *-b* и *-g*, – но она очевидным образом не является связанной. В морфологии у них есть важная общая типологическая черта: большая часть бывших аналитических глагольных форм теперь являются агглютинативными, – но эти формы образованы в разных языках при помощи различающихся вспомогательных глаголов, что исключает общее прохождение процесса. Что касается дерева по отредактированным спискам, определенное количество общих инноваций, несомненно, связывает «центральные» языки и позволяет различить 4 ветви: якутский, саянские и огузские длительное время различали долгие и краткие гласные, «центральные» рано утратили это противопоставление; в морфологии огузские языки сохранили старый именной показатель определенного аккузатива, в других языках заменившийся старым местоименным показателем; якутский, саянские и огузские языки сохранили перфектное причастие на *-mυǰ*, остальные потеряли его и тем самым перестроили видо-временную систему; большая часть этих процессов представляет собой «связанные» изоглоссы. Следует отметить, что близкая связь древнетюркского с огузской группой признается традиционно. Датировка этого узла может быть связана с какими-то сдвигами в результате второго передвижения гуннов на северо-запад (155 г. н. э.).

Что касается более поздних ветвлений, деревья сильно различаются, и большая часть этих различий может быть для «неотредактированного» дре-

ва связана с последующими территориальными контактами родственных языков. Видимо, так можно объяснять случай караханидско-тюркского, который на «неотредактированном» древе оказывается отделен от древнетюркского и связан с карлукско-кыпчакской группой; случай туркмено-сарларского единства, отделенного от других огузских языков и связанного с кыпчакской; случаи ногайско-кумыкского и татарско-башкирского единств.

Третий уровень «отредактированного» древа датируется 470 г. н. э. (если искать исторических привязок, эта дата может быть соотнесена с миграцией рода Ашина на южный Алтай около 460 г. и последующими политическими событиями). Этот уровень включает, во-первых, распад огузской «в широком смысле» группы на древнетюркский, халаджский и собственно огузский; во-вторых, распад «центральных» языков на сибирскую (фактически кыргызо-алтайскую) и карлуко-кыпчакскую группы. Затем около 730 г. н.э. практически одновременно огузская группа делится на западно- и восточно-огузскую, а кыргызская группа расходится с горноалтайской (группировка происходит относительно традиционно); датировка сама по себе очень похожа на хронологические рамки становления уйгурского каганата и может отражать связанные с этим территориальные и политические сдвиги (в частности, затухание функционирования Великого Шелкового пути; очень близка к этому времени первая фиксация кодифицированного древнетюркского литературного языка).

По-видимому, приблизительно к этой эпохе относится возникновение ряда китаизмов в древнетюркском, восходящих к среднекитайскому (см., например, Шервашидзе 1989); нуждаются в специальном анализе следующие ранние китаизмы, получившие распространение в новых тюркских языках. Происходило ли в этих случаях заимствование в общетюркский (например, зафиксировано ли в якутской и/или тобаской ветвях), в более мелкие ветви, или же уже в древнетюркский литературный язык?

Среднекитайский и тюркский

1. **jaŋ* 'образ' (ЭСТЯ 1989, 121–122), фиксируется с др.-уйг., чув. нет, есть як. и тув. с семантикой 'характер', что может в данном случае указывать на монголизм. Все формы языков Сибири и кирг. также могут быть объяснены как монголизм²³⁹ (с характерным развитием значения 'обычай, закон, характер'; более поздние монголизмы с S- имеются также в кирг., каз., ккалп., башк.). Халадж. *yang* 'добрый обычай' из перс., о котором см. Doerf. 4, № 1903. Итак, рефлекс первичного китайского заимствования наблюдается только в литературных памятниках. Более распространено производное **jaŋ-lyg* 'подобный' (превращающееся в послелог «как»): памятники и языки Средней Азии (турк., узб., нуйг, сюг., ккалп., кирг.), которые,

²³⁹ Монгольский, скорее всего, заимствовал это слово из тюрк. (интерпретация начального *j*-как фрикативного).

скорее всего, получили его через среднеазиатские литературные языки. Источник: кит. 樣 совр. *yang* 4, ср.-кит. *jaŋ*, др.-кит. *jaŋs* 'form, shape'. Соответствующее развитие инициали датируется примерно VII в. н.э. Тем самым, заимствование могло войти около VIII века в литературный древнетюркский язык.

2. *jaŋ-gan 'слон' (ЭСТЯ 1989, 60; СИГТЯ 1997, 156, фиксируется с др.-уйг. *jaŋa*, далее – в литературных памятниках; кроме того имеются алт. *jān* (Верб. 64); сюг. *jaŋan*, *jaŋan*, тув. *žān*). Все сибирские формы могут быть монголизмами (письм.-монг. *žaŋan*, из тюрк.). Источник: кит. 象 совр. *xiang* 4, ср.-кит. *zjaŋ*, др.-кит. *lhaŋʔ* (с Шицзина 47.1, 47.2) 'elephant, ivory'. Датировка по фонетике: изменение инициали *lh* в аффрикату указывает на Восточное Хань, т.е. заимствование произошло не ранее начала III в. н.э.; в памятниках и монгольском заимствовании отражена, видимо, возникшая уже в литературном языке контаминационная форма с аффиксоидом.

3. *čig 'китайский фут, мера около 33 см': др.-уйг. *čigin tsunin* 'на футы и дюймы' U II, *Sub.* 136.8, *tört čig* 'четыре фута' (размер картины) *Sub.* 544.5; ср.-уйг. *čig* 'тюркский локоть, около 2/3 обычного локтя'²⁴⁰ МК; новое заимствование – тар. *či* 'мера в 10 sun' < совр. кит. *ch'i* 'фут'. См. Cl. EDT 404. Чув. *чике* 'локоть (мера длины от локтя до конца среднего пальца)' Ашм. XV 195, Егоров 325 не имеет сюда отношения (вопреки Räs.VEWT 107ab), восходя к ПТ **čykan(ak)* 'локоть, предплечье' СИГТЯ 1997, 249. Источник: кит. 尺 совр. *chi* 3, ср.-кит. *čhek*, др.-кит. *thiak* 'фут (= 22.5 см), мерить в футах' Karlgren 0794 а. Фонетическая датировка – среднекитайский, следует думать о заимствовании в древнетюркский литературный язык.

4. *kunčuj* 'принцесса': рунич. (орхонский и енисейский), др.-уйг., МК, в современных языках – только тув. *kunčug*, тоф. *hunšžuy* 'свекровь' (в паре с *beg* 'свекор', ср.: в руническом тюркском и гражданском древнеуйгурском *kunčuj* обычно употребляется как 'жена бега'). Clauson EDT 635, ЭСТЯ 2000, 150, Шервашидзе 1989, № 36. По предположению Дж.Клосона, первоначально слово применялось к дочерям китайского императора, посылаемым в жены варварским правителям; в древнеуйгурском употребляется и просто как 'супруга, замужняя женщина'. Кит. 1) 公 совр. *gong* 1, ср.-кит. *kug*, др.-кит. *klōŋ* (с Шицзина, где часто) 'clan head, Gong; palace, court' Karlgren 1173 a-f; 2) 主 совр. *zhu* 3, ср.-кит. *čü*, др.-кит. *toʔ* 'person in charge, master' (ср. Восточно-ханьское *cwaʔ), Karlgren 0129a. По фонетике форма – среднекитайская. По-видимому, слово заимствовано в литературный древнетюркский (где ср.-кит. медиаль передана как дифтонг), а из языка тюркского или уйгурского каганата – в язык-предок тувинского и тофаларского (то есть, до 1150 г. – глоттохронологическая дата его распада), где оформилось стандартным аффиксоидом и получило дальнейшее семантическое развитие в рамках, по-видимому, обрядовой терминологии свойства

²⁴⁰ Метрическое значение мер типа фута – около 30 см; метрическое значение локтя в бассейне реки Хинчжоу – 45 см.

(ср. в русской свадебной обрядовой терминологии «князь» и «княгиня» в значении «муж» и «жена»).

Средне-иранские заимствования, попадающие на обсуждаемую эпоху, связываются с восточно-иранскими языками – в первую очередь это согдийский как язык народа, чрезвычайно активно занимавшегося на этих территориях торговлей и миссионерством. Зарождение торговой системы согдийцев датируют II в. до н.э., с конца IV до VII века н.э. – время расцвета согдийской торговой империи, которая в это время была доминирующей силой в распространении китайских и индийских товаров на всю Центральную Азию. Интересно, что по данным историков, основной движущей силой Великого Шелкового Пути тогда были не просто согдийцы, а носители смешанной согдийско-тюркской культуры, часто выходцы из смешанных семей. К X в. согдийцы в основном вытесняются с торговых путей (см. рецензию М.Д.Бухарина на книгу: *E. de la Vaissiere. Histoire des marchands sogdiens*. Paris. 2002. – ВДИ №2, 2004, с. 224–228).

Согдийский и тюркский

а) «Литературные» заимствования:

1. *axšam 'вечер': крх.-уйг. *axšam* МК, в новых языках – огуз., карлук., кар., кум., кбалк., каз., ккалп., кирг., то есть «южно-мусульманская» зона, в тат. *axšam* 'молитва, совершаемая после захода солнца', скорее из тюрки (см. ЭСТЯ 1974, 207; вопреки EDT 96, нет в сев.-вост. языках): источником считается незасвидетельствованное согд. *axšam, восстанавливаемое на основании ср.-перс. *šām* 'вечер; ужин' < поздне-ав. *xšafnyā*-, ср. согд. *axšap* 'night' Gharib 2093 < ав. *a-xšapan* Bartholomae 548. Из тюрк. заимствовано монг. *asqun*, *asqan* KWb 16, причем у Рамстедта с пометой-нуликом, что значит, что письм.-монг. форма реально не засвидетельствована и восстановлена из калм. *asxən*, скорее всего, новое заимствование из соседних кыпчакских языков.

2. Др.-уйг. *amšū* 'offerings' (to Buddha, TT VIII) || EDT 164. Клосон предполагает заимствование из кит., но ср. согд. *āmsā* 'obedience, attention' Gharib 35 № 905. По-видимому, в конечном счете восходит к кит. *ān* 'знать, помнить', ср. *ān shú* 'быть хорошо информированным, знать, узнавать', но, учитывая значение тюрк. слова, следует предполагать заимствование через согдийское посредство (заимствовано из формы косв. падежа *āmsī*?).

3. *baγuš* 'подарок', в составе *baγuš-la-* 'дарить, наделять', с МК, КВ, в этой фонетике в тур., аз., турк. *baγuš-la-*, гаг. *баашла-* 'дарить, посвящать'; тат., башк. *багыш-ла-* 'посвящать, предназначать', кум., балк. *баггышла-*, ног. *багысла-*, ккалп. *багышла-*, каз. *багышта-* 'дарить, посвящать' (ср. *бауыр* 'печень'), кирг. *багышта-*, узб. *baγiš-la-* 'id.', нуйг. *beγiš-la-* 'посвящать, предназначать', *beγiš* 'посвященное; мешочек с пшеницей нового урожая, хранящийся до следующего, якобы способствует получению обильных хлебов'; ср. также отдельные заимствования из новоперс. *бахш*. EDT 321–322, VEWT 56. В Сибири нет. В таком виде и значении – должно быть из

согд. будд. *bṛṣ-* 'дарить, наделять' Gharib 2593, Расторгуева – Эдельман 2: 47, 56 (существительное в тюрк. – обратное словообразование?), ср. пехлеви *baxš-*, хот.-сак. *būṣṣ-* < ав. *baxš-* Bailey 300. По крайней мере в ногайской группе формы должны объясняться как литературное заимствование из тюрки (исконное *g* интервокальное должно было перейти в *w* или дать стяжение).

4. **tamu-g* 'ад': с др.-уйг. маних., будд. *tamu*, крх.-уйг. *tamu* МК, QB, форма *tamug* первый раз появляется в стихе QB: *iki ev jaratty bu xalqqa qatuy / biri aty uèmaq biriniṅ tamuy* (с передачей морфологических форм) 'он создал два жилища для всех этих народов, одного имя – рай, другого же – ад'; здесь синтаксически возможен винительный определенный падеж на *-g*, который, к тому же, рифмуется с предыдущей строкой. В Tfs уже Dat. *tamug-ka*, так же чаг.; ст.-осм. *ṭami* может быть фонетически рефлексом *tamug*. В новых языках: **tamu*: алт., тел., шор. (P), тув. *tamy*; **tamug*: тат. *tāmug* (явное заимствование из тюрки), башк. *tamiq* (также из тюрки), каз. (P) *tamyq* (из тюрки), узб., уйг. *tamuy*. Чув. *tamъk* < кыпч. < тюрки. Тур. *tami*, турк. *tami* могут равновероятно восходить к обеим формам. TMN 2, 568–569, Федотов 2, 169–170, VEWT 460, EDT 503. Чув. > мар. *тамык*. Др.-уйг. заимств. в монг. *tami*. Тюрк. заим. из иран., скорее всего, согд. *tam* (имя с *i*-основой, в форме вин. пад. – *tmw*) Gharib № 9588 (ср. еще хорезм. *tam* < авест. *t̥mah*), производные прилагательные ('адский'): № 9591 *tamīk*, № 9604 *tamik*, № 9605 *tamēni*. По-видимому, источником **tamu* послужила форма вин. падежа, а **tamug* – одно из *k*-производных; приходится согласиться с предположением Клосона о заимствовании в разные тюркские диалекты разных форм. Кроме того, все сибирские формы могут быть монголизмами.

5. **uštmaк* 'рай' (народная этимология перестраивает его как имя по глаголу **uē-* 'летать'): с МК *uèmak*, QB, Tfs *uštmax*, *uèmak*, позже только формы типа *uèmak*. В новых языках: тур. *uèmak* (по свидетельству Клосона, не представлено в османском XIX столетия, но введено младотурецкой реформой как якобы исконная замена арабизма *Šanna*), турк. *uèmax* и *uèmā*, кар. *uèmag*, башк. диал. *oṣṭmaq*, каз. (P), кирг. *uèmak*, узб., уйг. *uèmaq*. В Сибири отсутствует. См. ЭСТЯ 1974, 614, EDT 257, TMN 2, 12. Заимствовано из согд. *'wšt̥m'x*, *ušt̥māx* Gharib № 2008 < авест. *vahišt̥* *√m-ahūm*, букв. 'лучший мир', ср. ср.-перс. *wahišt̥*, перс. *bihīšt̥* 'рай'.

6. Рунич., др.-уйг. ман., будд. *šymnu* 'злой дух' EDT 868 < согд. *šmnw*, хр. *šymnw* Gharib № 9293, < ав. *Angrō mainyuī*, пехл. *Ahriman*.

7. Др.-уйг. ман. *b/pašyq* 'гимн' EDT 378 < согд. *p'šyк* Gharib № 6515

8. Уйг. маних., будд. *aṣun* 'жизнь, существование, мир; перерождение', МК 'мир' ('al-dunjā), = КБ, Tfs, IbnM, чаг. (Абушка), хорезм.-тюрк. (Кутб, Мухаббат-Намэ), позднее заменяется на араб. заимствование *dunjā*. Из согд. *āžūn* [''žwn] 'child, existence, life' Gharib № 431. По свидетельству Клосона, в пореформенный совр. турецкий *acun* 'вселенная, мир, космос' попало по ошибке, в качестве исконно тюркского слова ради замены арабизма *dunya* (EDT 28, VEWT 33).

9. Крх.-уйг. *erej* 'bliss, happiness' КБ: Клосон (EDT 200) связывает с рядом форм в тюркских средневековых памятниках и современных тюркских языках. Но только формы из КБ могут восходить к согд. *ryz/ž* 'хотеть, желать, требовать' Gharib № 8673, 8676, при неидеальном соотношении значений. Остальные связываемые с данной статьей EDT формы имеют, по-видимому, разное происхождение: МК, Tfs *erinè* 'счастье, удовольствие; поворот судьбы', как предполагал Рясянен (VEWT 47), может быть связано (будучи нормальным отглагольным именем) с монг. **eri-* 'искать, стремиться, хотеть, просить' (БАМРС 4,437); встречающиеся в ряде современных языков рефлекс **uryš* 'счастье, удача', скорее всего, связаны с тюрк. глагольным корнем **yr-*, см. ЭСТЯ 1974, 666–667, EDAL.

10. Др.-уйг. будд. *suburgan* 'могила', МК 'курган, языческое кладбище' EDT 792 из согд. **zmrγ'n*. Из уйг. заимствовано в монг. халха *suvraga* 'надгробная пирамида', из монг. в тув. *suvurga, suurga* 'башня, шпиль'. Этимология принадлежит В.Хеннингу (Transactions of the Philological society, London 1945, p.157).

11. Др.-уйг. маних. *didim* 'венец', крх.-уйг. *didim* 'веночек невесты' МК. В новых языках нет. Из др.-уйг. заим. в монг.: письм.-монг. *tidim*, халха *titem* 'корона; элемент графики: зубец с коронкой' БАМРС 3, 209. Из согд. *δydm* < греч. *διάδημα*. EDT 456.

12. Др.-уйг. будд. *midik* 'мирянин' EDT 765 < согд. *myδ'kk* 'мирской' Gharib №5589.

13. Др.-уйг. будд. и маних., затем МК 777 *nom* 'закон, учение' из согд. *nwm* Gharib № 6138; согд. из сир. *nwm*, как манихейский термин. Ср. ср.-перс. *nā-mag* 'книга, буква' (собственно иранское по происхождению) CPD 57. Из др.-уйг. заимствовано монг. *nom*: письм.-монг. *nom*, халха *nom* 'книга, учение', бур. *nom* 'книга; грамота', оттуда в тел. *nom* 'закон', тув. *nom* 'книга'.

14. Уйг. будд. *ūjek* 'буква, иероглиф, слог', *ūzik, ūsik*, МК *ūjūk* 'буква, алфавит', куман. *ušuq* 'написание', ср.-кыпч. (Хоутсма) *ūšük* 'перо'. Очевидно, < согд. *užāk* 'буква' ['w]k' Gharib № 1893 (? < др.-кит. *dzyiy*, см. EDT 24, VEWT 525). Уйг. (?) > монг.: письм.-монг. *ūsüg, ūjüg*, халха *ūseg, ūzeg* 'буква, литера', 'перо для писания'. Новые языки: галт. *ūzük bièik* 'монгольское письмо', тув. *ūjūk* 'буква' – очевидно из монг., возможно, оттуда же тур.-диал. анат. *ūzük* 'буква' EDT 24. Тат., башк. *ijek* 'слог', скорее всего, восходят к тюрки, т.е. языки унаследовали слово через литературную традицию.

15. Др.-уйг. будд. *kegde/kagda* 'бумага' EDT 710. Из согд. *k'γd'* [*kāγdā*] Gharib № 4632. Неясным остается способ адаптации по ряду (долгие гласные в согд.!), но ср., возможно, согд. *k'γdy'k* [*kāγdyāk/-dek*] 'бумажный' Gharib 4635. Ср. перс. *kāγīδ*. Ср. койб. *kegde* 'плотная бумага' P – возможно, из монг., ср. халха *хэгд* 'сафьян с золотыми узорами' БАМРС 4, 204 (через «пергамен»?).

16. Др.-уйг. гражд. *bun* в *bun sanu* 'базовое число' (в астрономическом контексте) EDT 347 < согд. *bwn mry* 'то же' Gharib № 2915 (само согд. выра-

жение, видимо, основано на заимствовании из ср.-перс., ср. согд. *bwn* 'дыра, яма', ср.-перс. *bun* 'база, основание, дно' CPD 20, хсак. *buna* 'дно, глубина' Bailey 297).

17. Др.-уйг ман. и будд. *čaxšapet* 'командир' EDT 412 < согд. *čyš'pδ*, = парф. *čyš'byδ* из скр. *śikṣāpada* Gharib № 3315.

18. *sandyγaè: крх.-уйг. *sanduwaè*, *sondylaè* (МК), *sanwaè* (QB); ср.-уйг. *sanduwaè* (IbnM, Rby), *sandylaè* (IbnM); хрзм.-т. *sanduwaè*, *zandawaè* (XIII); чаг. *sandalaè*, *sandulaè* (Sangl.); кар. К.,Т., тат.диал. *sanduyae*, башк. *handuyas'*, каз. *sanduyas̄*; алт. *sandyγas̄*, тел. *sandyq*. Значения: 'соловей' – в большинстве источников; 'жаворонок' – алт.; 'какая-то маленькая птичка' – варианты с *-l-* в крх.-уйг., ср.-уйг. и чаг. См. VEWT 401, 436, EDT 837, ЭСТЯ 2003, 190–192 и цитированную там литературу. Слово представляет собой старое заимствование из согдийского *znt'wč*, букв. 'певец', ср. согд. *znt'wčh 'mry'* 'певчая птица' Gharib № 11362 (*znt'wčh* 'певец') и целую серию синонимов, имеющих в своем составе *zand* 'песня' и сохранившихся в персидском: *zand-x'a:n*, *zand-va:f*, *zand-la:f* и т.п. – см. Benveniste E. Mots voyageurs en Asie Centrale // JA CCXXXVI 1948, fasc. 2, 184. В ряде случаев оно подверглось народной этимологизации с попыткой выровнять морфемный состав слова по образцу тюркских производных имен. Возможно, тел. *sandyk* (обратное словообразование по отношению к расцененной как уменьшительное на *-γas̄* форме *sandyγas̄*) послужило источником заимствования эвенк. *сондоку:н* 'птичка' ССТМЯ II 110, но скорее эвенк. слово следует связывать с монг. формами: ср. халха *сонд* 'разные виды овсянок', письм.-монг. *sondi*, возможно, связанные с др.-уйг. Похоже, что это еще один пример действительно раннего согд. заимствования не только в «литературный» язык (возможно, в праязык «остаточных» тюркских языков; впрочем, вполне возможно, раздельного в разные диалекты).

19. Др.-уйг. мед. *туšкyč* 'кошка' EDT 772. Эта древнеуйгурская форма (гапакс) вполне обоснованно считается заимствованием из согд. *mwškyšč* 'дикая кошка' (Gharib №5561: < *muša-kuštar, т.е. 'мышеубийца').

20. Др.-уйг. маних., будд. *tarka*, *terke* 'горький' (о боли) EDT 539 < согд. *tary* [try] Gharib 9643 'sharp, hard, fierce', ав. *tiγra* 'острый, горький', хсак. *ttira* 'горький'. Неясна связь с этим согдийским заимствованием крх.-уйг. *tarka*, *talka* 'незрелый (плод)' МК, = перс. *talx* 'горький'.

21. ?? Др.-уйг. будд., христ., гражд., крх.-уйг. МК, QB, хор.-тюрк. (Огуз-каган) *šyk* 'ш-ш-ш' EDT 867. Сохраняется в нуйг. По Benveniste JA 236, 2 (1948), с. 184, из согд. *šwk* 'молчаливый, безмолвный' Gharib № 9352.

б) «Хозяйственно-экономические» заимствования:

22. От *bōrè 'долг' см. ЭСТЯ 1978, 196–197 (ср.-кыпч. – KW, At-tuhfa, ср.-уйг. – Бор.ЛТ, IbnM, ср.-огуз. – Мел.АФ). СИГТЯ 1997, 338. Чув.диал. *pirъš* 'долг' (Ашм. IX 305) не обязательно свидетельствует о пратюрк. характере слова, ср. тат. *бурыч*, башк. *бурыс*, пересчетом с которых может быть чув. форма. Остальные встречаемости – во всех огуз., кыпч., карлук.

языках. В Сибири нет. ⇐ согд. *pwrc* < *partu-č < *pṛti 'loan' Gharib 8202, cf. авест. *p vr̥vθa* 'Strafe' Barth. 892. Как будто, единственная возможность этимологизации тюркского слова.

23. Крх. *maraz* 'наемный работник' гапакс МК EDT 772, из согд. *marāz* Gharib № 5418 то же.

24. Др.-уйг. (будд.) *kānd*, крх.-уйг. *kānd* (МК, QB); ср.-кыпч. *kent* (KW 138), *kānt* (Houts. 99, Abū H 45, Tel. 314); чаг. *kend* (Pav.C 489); ст.-осм. *kend* (TS VI 412); тур.диал. *kent* (Aks.Gaz. 447), турк. *kent*; кум. *gent*; ккалп. *kānt*; каз.устар. *kent*; узб.диал., уйг. диал. *kānt* (Абд.Хор.Ш. 55); см. ЭСТЯ 1997, 44, EDT 728a; Doerf. III № 1705 (670); СИГТЯ 1997, 494. В Сибири не представлено. Семантика: 'село, селение' – ср.-кыпч. (Houts., AbūH), чаг., тур., диал., турк., кум., ккалп., узб.диал.; 'город' – др.-уйг., крх.-уйг. (по объяснениям МК, 'деревня' у огузов и 'провинциальный город' у прочих тюрков; в восточных провинциях город называется *kān*), ср.-кыпч. (KW), ст.-осм. (TS).

Тюрк. слово из восточно-иранского, представленного согдийским *knē* 'город' Gharib 4770 (ягн. *kant*), хсак. *kanthā* 'город' Bailey 51, осет. *kaent* 'здание' Аб. 1, 579, пушту *kandai* 'квартал' (с уменьш. суфф.). Прочие иранские формы (ср.-перс. *kand* как часть топонимов, восточно-новоперс. *kand* 'деревня', белудж. *kant* топоним; также др.-инд. (Панини) *kanthā*), видимо, должны считаться восточно-иранскими заимствованиями, по культурно-историческим причинам, скорее всего, согдийскими. По-видимому, согдийское же происхождение должно быть принято для тюрк. слова (сакские заимствования в тюрк. языках устроены иначе, см. ниже).

25. Крх. *beèkūm* 'порог, крытый вход', гапакс МК EDT 295, см. Doerf. 2 № 722. По Benveniste JA 236 из согд. *ptšknp* [*patškanp*] Gharib № 7925, ср. другие формы: хорезм. *pièkaba* 'стена' Фрейман Хор. 104, арм. *pašgamb* 'покой, зал' из ср.-перс. *pyšknb* 'комната'; из др.-ир. *patiškamba, ср. авест. *fraskamba* 'балка, прихожая'. Bauley 413. Новоперс. *bačkam* (скорее всего, из тюрк.), *paškam* 'летний домик; вход, зал ожидания', последняя форма, видимо, сама из согд.

26. Крх. *borduz* 'огород' гапакс МК EDT 359. Видимо, из согд. *pārdez* 'сад' [*p'rdyz*] Gharib № 7103? Ср. ав. *pari-daeza*, перс. *pāliz* > Ар. *fāliz*; тадж. *полуз* 'бахча'. Нерегулярное отражение согд. *ā* долгого как *o* может быть обусловлено слегка более поздним заимствованием из местного варианта согдийского?

27. Др.-уйг. *bāγ 'сад' (первоначально 'виноградник', *bag borluk* парное слово в буддийском покаянном тексте; отметим, что второе слово сочетания, собственно 'виноградник', произведено от *bor* 'вино'²⁴¹ с помощью суффикса *Nominis loci*, см. EDT 311, ДТС 77, итак, виноградник – чуждое

²⁴¹ Это слово (не сохранившееся за пределами тюркских средневековых литературных языков) обычно также считают заимствованием из ср.-перс. (см. EDT 354) *bōr*, которое, однако, засвидетельствовано только в значении «рыжий» – см. CPD 19. Не является ли оно в действительности «булгарской» параллелью к общетюрк. *bōza (ЭСТЯ 1978, 173–175)?

явление для тюрков?), МК, QV, в новых языках – во всех потомках «общетюркского», кроме сибирских (VEWT 55); но, собственно говоря, для огузских возможно сепаратное заимствование из новоперсидского. В чув. полукалька из тат. *paх ulmi* 'садовое яблоко' (тат. *bag alma*). Впрочем, тат. *bag* имеет помету «книжное», так что, возможно, в северо-кыпч. заимствование пришло через литературный язык. Ново-перс., ср.-перс. или согд.? (пехлеви, согд. *bāy* Horn 39, Gharib № 2447, Расторгуева – Эдельман 2, 52).

28. Крх. *badīč* 'подпорка для виноградной лозы' гапакс МК, EDT 300, ср. нперс. *wāyiĵ*, тадж. *wo'is* (эти формы определенно являются согдийским заимствованием, согд. слово должно быть производным, восходящим к ав. *vaetau-* 'лоза' Barth. 1314). Согд. форма у Гариб не зафиксирована, но она была бы наиболее вероятным источником тюркского слова с фонетической точки зрения.

29. Крх. *kenbe* 'какое-то растение' гапакс МК (ганчакское), Cl. EDT 727: *prob. Iranian*. Ср. согд. *kunp'* *kenbā, сак. *kumba* 'flax' Bailey 62 (< *kanaba, бродячее слово, в основном для конопли, подробно см. Bailey 51–52, Стебл.-Кам. НКР 63–64). Тюрк. форма соответствует практически точно согдийской по фонетическому облику.

30. Крх. *zargunčtud* 'тип базилика' гапакс МК, EDT 989, < согд. *zrywnč* 'зеленый' + *mwrt'* 'myrtle' Gharib № 11402, 5535. См. Benv. JA 236, 2, с. 184.

31. Крх. *čat* 'источник' гапакс МК EDT 401 из согд. *č't* 'источник' Gharib 124, ср. хсак. *tcāta* 'озеро, лужа' Bailey 138, осет. *cad* 'озеро', ср.-перс. (зор. пехл.) *čāh*, н.-перс. *čāh* 'источник' (тюрк. форма точно соответствует согдийской по форме и значению).

32. *čykyr, *čykyr 'механизм, использующий колесо: водоподъемное устройство, блок, колодезный ворот, прядка и пр.': с МК (*čygyr* 'мельничное колесо, водяное колесо'; *kök čygyr* 'небесный свод' EDT 410). Во многих языках – новоперсидское заимствование того же корня (*čarx*). В данной фонетике слово должно быть из согд. *cy/xr* 'круг, колесо' Gharib 3180 (< авест. *čaxra-*, см. иран. формы в Аб. 1, 288, Расторгуева – Эдельман 2, 248–250, что делает излишним предположение о заимствовании из индийского – Менгес ВЭ 182). Рефлексы согд. заимствования в новых языках: тур. *čykyr* 'мельничное колесо, водяное колесо', кар. К. *чыггырыкъ* 'кольцо', тат. *чыгыр* 'блок, ворот, чигирь', ног. *шыгыр* 'катушка', каз. *шыгыр* 'ворот', ккалп. *шыгыр* 'чигирь', *шыгыршы* ('прибор для очистки семян хлопка', кирг. *чыгырык* 'ручная машина для очистки хлопка от семян; барашек; что-либо вращающееся в форме колеса', узб. *чигир* 'чигирь', *чигири* ('ворот, прокатный стан, машина для очистки хлопка', уйг. *чигири* 'ворот'. TMN 3, 72, VEWT 108 (вопреки Рясанену, тел., галт. *чыйра-*, ног. *шыйра-*, каз. *шира-*, узб. *чийла-*, *чийра-* 'скручивать, ссучивать нитку', кирг. *чыйрак* 'скрученная нитка' – не к этому корню, ср. приведенные выше формы, см. EDAL, тюрк. **čyg-* 'to tie up'). В Сибири, таким образом, не отмечено.

Как видно из приведенного набора, согдийские заимствования в тюрк-

ских языках – это либо заимствования в древний литературный язык, откуда с литературной традицией они могли расходиться по другим языкам, либо местные заимствования в язык, распространенный в Восточном Туркестане и обозначаемый обычно как караханидско-тюркский, либо заимствования в «пра-центральный» язык (т.о., до 479 г. н.э.; таковым может считаться «соловей»), либо в пра-центральный и праогузский (как находившиеся на тот период в непосредственном контакте с согдийской торговой империей; таковыми могут считаться «чигирь», возможно, «сад», «город», «долг», «рай», «ад», «подарок», «вечер»). Заимствованная лексика охватывает сферы земледельческой культуры, торгово-обменных отношений и религиозных понятий.

Среднеперсидский и тюркский

Среднеперсидский язык датируется как существовавший с IV в. до н.э. по VII–VIII вв. н.э.; реально представленные тексты, если не считать скудных данных монетных легенд II в. до н.э., хронологически коррелируют с периодом Сасанидского государства (224–661 гг. н.э.). Среднеперсидский являлся языком литургии восточной манихейской церкви, что во многом определяет характер заимствований.

а) Литературные заимствования (прежде всего из ср.-перс. в манихейский уйгурский):

1. Рунич. (с надписи Тоньюкука), уйг. ман. и будд. *betkeèi* 'писец' EDT 304. В конечном счете из сир. *petga* 'табличка', из греч. πῖθακιον. Слово не зафиксировано в ср.-перс. и согд., но по культурно-историческим соображениям скорее всего заимствовалось в тюрк. из ср.-перс.

2. Др.-уйг. ман., будд. *bekiz belgüllig* 'ясно манифестированный' EDT 330. Из ср.-перс. *pāk, pākizag* 'чистый' CPD 64, нперс. *pāk, pākizah* 'чистый, невинный' < ав. *pavaka-* 'rein, klar'. Не вполне ясна переднерядная адаптация в тюрк. при долгом *ā* в ср.-перс., возможно, влияние *-i* второго слога? Тох. В *pākri* 'clear, obvious', А *pākār* 'id.' Adams (с неясной этимологией), возможно, также может быть ср.-перс. заимствованием.

3. Др.-уйг. ман., будд. *tarazug* 'весы' EDT 554, из ср.-перс. *tarāzūg* 'весы; созвездие Весов' CPD 82. Крх.-уйг. поздн. *tarazū* 'весы' Tfs, 'созвездие Весов' IbnM, куман., ср.-кыпч., ср.-турк. *tarazu* 'весы' из новоперс. *tarāzī*, в новых языках – огуз., карлук., кыпч. (ср. каз. *Tarazy*, кирг. *Taraza* 'созвездие Весов'), в Сибири не зафиксировано.

4. Уйг. будд., поздн. уйг. (XIV в., кит.-уйг. словарь) *najvašigi* 'добрый дух' EDT 775; скорее из тох. А *naivāsik*; но хор.-тюрк. (Огуз-Наме) *nevšigi* из ср.-перс. (оно же источник тох.формы) *nēw wāxšig*. См. еще Bailey *Indoiranica* BSOAS XVIII, 1957.

5. *tan 'тело': в этой фонетической форме – в др.-тюрк. с Ырк Битиг, МК, Tfs, средне-кыпч. В новых языках не встречается. EDT 510 («необычайно раннее иранское заимствование»). Новоперс. заимствование: хорезм.-тюрк. *ten*, тур., гаг., турк., кар. *ten*, тат., башк., ккалп., каз. *tān*, кирг.

ten, узб. *tan* [tän], уйг. *tän*. VEWT 473. Источником др.-тюрк. (заметим, что только руническая запись в Ырк Битиг гарантирует прочтение заднерядного *a*, а не *e*) считают ср.-перс. *tan*, ср. также согд. *tan-* в *tan-pār* 'тело' и прочих производных (Gharib 388); сак. *ttani* не может быть источником по значению ('кожа'). См. Аб. 3, 261, иначе Bailey 122.

Производное: **tene*: узб. *tana* [tänä], уйг. *tenä*; чув. *tu/ona*. а) Ствол (дерева) – узб., уйг., чув.; б) стебель (растения) – уйг., чув.; в) тело, туловище, стан – узб., уйг.; г) лапка, ножка (птицы) – чув.; д) нога – чув. диал. Тюркские формы в основном могут быть новоперсидскими заимствованиями, ср. перс. □□□ *tenä* а) корпус, туловище; б) ствол (дерева). См. СИГТЯ 1997, 118. Проблему представляет чув. форма, которая должна фонетически восходить к пратюрк. *tanag*. Учитывая семантические расхождения, можно вопреки Федотов 2, 247 вернуться к этимологии Рясненна VEWT 461, отделяющего чув. и связывающего его с каз. *taŋ*, тел. *taŋ* 'задняя часть, бедро животного'.

6. Крх.-уйг. *osparla-* 'передавать, доверять' (караханидские декреты), далее в средневековых памятниках: Тефсир *ospar-la-*, *yspar-la-*, *ysmar-la-*, IbnM *ysmarla-*, хорезм.-тюрк. *ysparla-*, ср.-кыпч. *ospurla-*, *ysmar-la-*, ст.-осм. *ysmarla-* EDT 241–242. В новых языках тур., крым.-тат. (P) *ysmarla-*. Слово-юридический термин явно распространялось через литературную традицию; источник – ср.-перс. *awspār-* (<**us-* + *par-*) (> нперс. *supār-dan* 'передавать, доверять') Horn № 97.

б) Торговое заимствование:

1. **barèun*: др.-уйг. будд. *barèyn*, крх.-уйг. *barèyn* КБ, IbnM 'шелковая парча'; далее хорезм.-тюрк. *barèyn* (Нахдж ал-Фарадис), кыпч. словарь *barèyn* (Abû H.) то же, см. EDT 357–358 (с очевидно неверной тохарской этимологией); заимствовано (судя по времени и месту, а что касается венг. – и по фонетике, из дунайско-булгарского) в старослав. *брачина*, венг. *bársony*. В новых яз.: чув. *порзын* 'шелковая ткань', из чув. (позднего волжско-булгарского?) заим. в рус. *бурсá* 'персидская шелковая ткань' Фас. 1, 208–209 и в поволжские финноугорские языки: мар. *порсын*, *парсын*, удм. *буртчин* и др. (Федотов 1, 447); из ср.-перс. *abrēšom* ['plyš(w)m, маних. 'bryšwn] 'шелк' CPD 4, перс. *abrēšum* < **abfraiš-* 'прясть', см. Аб. I 132, Цаболов 1 15–16; перс. заимствовано в том же значении 'шелк' во многие иранские языки. Новоперс. заимствовано в тур. *ibiršim*, ново-уйг. (P: таранчи) *äbrišin* 'шелковый', ср. перс. *berīšem*. Это слово формально может быть пратюркским заимствованием, связанным с ранними этапами действия Шелкового пути – действительно, уже при Сасанидах (с 224 г. н.э.) Персия получала в изобилии шелк-сырец, и в Сасанидской империи работали многочисленные мануфактуры по его обработке, и уже при Августе (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.) шелк, по-видимому, через парфян, попал в Рим. Другая возможность – предполагать некоторый слой «базарных» заимствований в раннебулгарском (подвергающихся фонетической адаптации)

из центральноазиатских тюркских языков.

Новоперсидский и ранний тюркский

Начало существования новоперсидского языка датируется IX веком н.э. Здесь мы рассматриваем такие новоперсидские по внешнему облику заимствования, которые фиксируются в памятниках древнетюркского периода, т.е. не позже караханидских. Можно видеть, что все эти заимствования либо носят узко-локальный характер, либо вошли в уже разделенные языки (соответственно, рефлекс в общем случае не позволяют восстановить закономерного прототипа, и форма, приводимая под звездочкой, носит чисто условный характер). Обращает на себя внимание сугубо хозяйственная тематика заимствований.

1. *akur 'конюшня, стойло'. Крх.-уйг. *aqur* 'конюшня' (МК, КБ); EDT 89, IM *axur* см. Räs.VEWT 10a, где это слово и его соответствия возводятся к персидскому источнику; см. еще Буд. I 19, P I 133, но ДТС 49 ⇐ ар.). СИГТЯ 1997, 527; чаг., осм., аз. *axur*, осм., кар. *axur*, кум. *axur*, вост.-тюрк. *aḡur*, таранчи *oqur* VEWT 10. Пехлеви *āxwarr* CPD 14, согд. 'xwyr = āxwēr ⇒ 'γwyr Gharib 2130 'stable'; нперс. *āxur* 'хлев'. Скорее, слово заимствовано из новоперс., в уже разделенные языки «южно-мусульманской» зоны.

2. *čögen 'ключка': с МК *čögen* 'палка с загнутым кольцом, ключка для поло', = ст.-осм. XIV в. EDT 416. В новых языках: тур. *čögen*. Из новоперс. *čawgān* 'то же'. VEWT 117. Имеется и неадаптированное заимствование из новоперс.: тур. *čevgān*, узб. *чавгон*.

3. МК *kirit* 'ключ' (гапакс). VEWT 271, EDT 738. В этой форме – кум. *kirit* 'ключ, замок', балк. *kirit*, ног. *kirit* 'замок', 'замок'. Более поздняя по первой фиксации форма – *kilit* Tfs, IM, Qutb. Эта форма встречается в новых языках (с некоторыми перестройками): тур., гаг. *kilit*, аз. *kilid* 'замок', турк. *kilit* 'крючок, задвижка', кар. *kilit* 'замок, ключ', башк. *kel*√'щеколда', каз. *kilt*, ккалп. *gilt* 'ключ', кирг. *kilit* 'ключ', узб. *kalit* 'ключ', нуйг. *kiltang* 'засов', сюг. *gilig* 'замок'. < нперс. *kilid* < араб. *iqlid* < греч. *κλειδιον*. На сибирские языки форма не распространяется (шор. *kiliš* 'ключ' из рус., тоф. *hülür-či* 'замок' < рус. *ключик* Рас. Фил 192 (с перестройкой под распространенное монг. суффиксальное образование на *-bèi*), як. *külüs* 'замок' из рус.). Форму с *-r* Дж. Клосон пытается объяснить из согдийского (что не невероятно фонетически, ср. использование в согд. графемы */r/* для передачи иноязычного *l* – Среднеир. 414), но согдийская форма не зафиксирована, арабизм в согдийском маловероятен; возможно, прав М.Рясянен, предполагающий контаминационное воздействие на новоперсидское заимствование отглагольного *kirit* 'вход'.

4. Крх.-уйг. *armut* (МК), ср.-кыпч. *armut* (Кав.), арм.-кыпч. *armut* ~ *armut'* (Труй. I 74); тур., гаг., аз. *armud*, турк. *armut*, сал. *armut* ~ *ārmut*; ктат., кар.К. *armut*, кум. *harmut*, ккалп. *almurt*, каз. *almürt*; кирг. *almurut*; узб.обл. *olmurut*, уйг. *a(r)mut* ~ уйг.Хот. *amut* (Мал.УНС 94) ~ уйг.диал. *armut* ~ *amrud* ~ *āmut* (Jarr. 26) 'груша'; в Сибири и в чувашском нет: из нперс. □□□□ *āmrūd*

'груша' Стебл.-Кам. 104, 107 (ПИЕ **amel-* 'фруктовое дерево, его плод', подробно см. Гамкрелидзе-Иванов 639–643, и наст. изд., выше, с. 783). «Усвоение слова происходило, вероятно, двумя путями (из двух источников?): первый (южные языки) – посредством закрепления формы с метатезой (*amrud > *armut*), второй (языки среднеазиатские) – появлением для благозвучия плавного *l* перед *m* (*amrud > *almur(u)t*)» – см. СИГТЯ 1997, 139.

5. Позднедревнейг. *tana* 'кориандровое зерно', крх.-уйг. *tana* id. МК, ср.-кыпч. *tana* 'жемчужина'. EDT 515. Из перс. *dāna*. Ср. ср.-перс. *dānag* 'семя, зерно' CPD 24.

6. *čekik* МК 'жаворонок', ст.-осм. XV–XVI вв. *čekik*, *čekiik*, осм. (Red.) *čekik* 'жаворонок' EDT 415 (без этимологии) – ср. ср.-перс. *cakōk* [ckwk], новоперс. *cakōk* и *cakāwak* 'жаворонок' CPD 21, имеющее иранские параллели: хорезмийское *čkuk* 'маленькая птичка – род зяблика? синица?', *ckwnk* 'жаворонок', см. Расторгуева–Эдельман 2, 215. Очевидно, новоперсидское заимствование в разделенные языки.

7. *merdek* гапакс МК 'медвежонок, поросенок' EDT 772 (без этимологии) < новоперс. *mardak* 'уменьш. к «мужчина», тадж. 'самец'. Локальное заимствование.

8. Ср.-уйг. *baha* 'цена' (Юг., в составе *bahalyu* 'ценный'), ср.-кыпч. *baha* (KW 47) ⇐ перс. □□□ (ср. пехл. *vahāk* тж. – Horn № 242); слово отмечено в кыпчакских, карлукских и огузских языках (см., напр., Räs.VEWT 55b). При этом есть горноалт. *bā*, тув. *bā*, хак. *nā* 'цена, штраф', як. *bā* 'упрек' – и повидимому, все они – обратные заимствования из монг. *bā* 'цена, штраф'. Чув. *паха* 'дорогой, драгоценный' Федотов 1 392 – по фонетике очевидное заимствование из общетюрк., но не из тат. (тат. *бэя*), возможно, из башк. *baha* 'ценность, драгоценность'; или непосредственно из новоперс.

Новоиндийские языки и ранний тюркский

Здесь мы также выбрали такие потенциальные новоиндийские заимствования, которые фиксируются в памятниках древнетюркского периода, т.е. не позже караханидских. Тематические области и географическое распространение лексем явно указывают, что мы имеем здесь дело с «базарными» заимствованиями, связанными с территориями, охваченными Шелковым путем. Наличие индийских колоний и факторий по Великому Шелковому пути отмечается уже в большом объеме во II в. н.э. (Восточный Туркестан 1992, с.78); правда, сохранившиеся письменные памятники с этих территорий – либо на санскрите, либо на северо-западном пракрите (нийя или гандхари; написаны письмом кхарошти). Начало же новоиндийского периода датируется X, самое раннее – IX в. н.э. (Masica С.Р. The Indo-Aryan languages. Cambridge, 1991. Pp. 50–55, 472). Впрочем, эта датировка вряд ли может быть точной, поскольку ранний период новоиндийских языков очень плохо зафиксирован. Учитывая «базарную» специфику, можно ожидать, чтобы заимствования в тюркские языки происходили из

разных новоиндийских диалектов, но, вероятно, более частыми должны быть заимствования северо-западного типа.

1. Крх.-уйг. *çit* 'вышитый шелк' EDT 402, см. TMN 3, 129, VEWT 103 (представлено в огузских (тур. *çit*, *-ti*, аз. *çit*, турк. *çit*, формы демонстрируют изначальную краткость гласного), кыпчакских, карлукских языках; в Сибири отсутствует: шор. форма *шыт* 'плотный (о материи)' – другое слово, восходящее к пратюрк. *çyt 'плетенка', см. VEWT 112) Как источник заимствования называют перс. *çīl* 'ситец, бумажная набивная ткань', заимствованное из инд., в конечном счете из скр. *citra* 'пестрый' (ср. авест. *çithra*) (см. Аб. 1, 312, Цаболов 1, 241). Учитывая сугубо «торговый» характер заимствования, можно предположить, что ранние тюркские языки в Центральной Азии могли получить его и непосредственно из новоиндийских (как и нперс., судя по развитию сочетания *-tr-*), ср. хинди *çīl* 'ситец', панджаби *çīl* 'коленкор, миткаль' и под. Turner 261, что облегчает трактовку краткости гласного (персидская долгота обычно хорошо сохраняется при заимствовании в огузском).

2. *murè 'черный перец', как будто, действительно обще- и даже пратюркское, с др.-уйг. *murè*, крх.-уйг. *murè* МК, позже с заменой *m* > *b* (поскольку в исконно тюркских словах начальное *m* появляется в отдельных группах языков как позиционный вариант *b*, распределенный в разных языках по разным правилам, непременно включающим, однако, наличие в последующей части слова носового согласного): чаг., ср.-кыпч., ст.-осм. *burè*, др.-булг. *burś, при заимствовании закономерно давшее венг. *bors* (Gomb.BTLU), закономерно и чув. *ръръś* (заим. в мар. *purys*). В других новых языках – тур. *burè* 'омела' (возможно, не сюда, а к *bur* 'вить, плести'), турк. *бурч*, кар. *бурч*, кум., балк. *бурч*, тат. *борыч*, башк. *boros*, ног., ккалп. *бурьш* 'перец' – также регулярные рефлексы этой праформы. Карлукские (узб. *murè*, уйг. *mu(r)ç*), центральные (кирг. *мурч*, галт. *мырч*) и сибирские (куманд. *пырч*, *пурч*, хак. *мырс* (саг.)) могут сохранять старое *m*. Как источник заимствования называют согд. *marc*, *maric* 'перец'; ср. Gharib 5416: *mr'yuck* = *marēnēka* < санскр. *marīca* id. Мауг. 2, 321 (заимствование, из мон-кхмерских? Или южно-драв. **milq-ku/cu* DEDR 4867, как полагает Стеблин-Каменский?), ср. еще тох. В *trañco* Adams №2649, хсак. *mireṃjsya*. Реально форма, послужившая источником тюркской и других языков юго-востока Центральной Азии (тадж., дари *murè*, пушту *m vrè*, *mr vç*, вершик. *març*, *marúç*, кховар *mlè*, шина *máruè*), гораздо больше, чем на согдийскую, хотаносакскую, или тохарскую, похожа просто на новоиндийские и дардские формы: кашмири *marìè*, *març*, панджаби *marè*, *mirç*, западный пахари *mirè*, хинди *mirè* и пр. – Turner № 9875 (памир. формы типа ишкаш. *m vrè*, скорее всего, из узб. или кирг., или же из тадж. – см. Стебл.-Кам. НКР 74). Учитывая сугубо «торговый» характер заимствования, мы бы предложили считать, что тюркские языки заимствовали его не из среднеиранских, а из новоиндийских, причем все-таки после распада общетюркского (ср. сохранение *m* ближе к географическому началу торгового прохождения по тюркской

территории и устранение его на остальной территории), а удивительная закономерность соответствий обусловлена народной этимологией, связанной заимствованное *murè* 'черный перец' и собственное *burèak* 'горох, вика, чечевица', как 'горошек', ср. чув. *p̄r̄s̄* 'горох', булг. *buršag > венг. *borsu*, др.-уйг. *burèak*, турк. *burèak*, галт., шор. *мырчак* и др. – ЭСТЯ 1980, 275–276.

3. Крх.-уйг. *tarmaz*, *turmuz* 'огурец, корнишон' МК. Clauson 550 : «Unless this is a l.-w. cognate to 2 *turma* it is prob. the Neg. Aor.Participle of *tar-*, lit. 'not branching'. В действительности *tarmaz* явное заимствование, ср. перс. *tarbuz* 'арбуз, дыня' Стебл.-Кам. 79–80, в конечном счете из скр. *trapusa*, *trapuša* 'огурец, колоквиит' к *trpra-* 'salzig, scharf' (Иран. **trfra-* с индоевропейской этимологией см. в Мауг. EWAIA I 665, 675). Тюркское слово по семантике ближе к скр., чем к перс.; с другой стороны, для скр. слова приводимые Тёрнером более поздние формы выглядят как пракр. *taüsa-* п., маратхи *tavše* п. 'Cucumis sativus' Turner 5993, так что можно предположить «базарное» новоиндийское заимствование из каких-то северо-западных языков с рефлексацией сочетания *tr-* типа лахнда. Вариантность вокализма и назализация губного согласного позволяют обратить внимание еще на одно похожее индийское название бахчевого растения: скр. *tumba-* м. 'тыква *Lagenaria vulgaris*', с потомками в новоиндийских языках вроде хинди *tomṛā* м. 'сушеная тыква' Turner 5868 (может быть, контаминация двух заимствований?). В новых тюркских языках видим только кирг. *darbyz*; узб. *tarvuz*, уйг. *ta(r)vuz* 'арбуз', которые заимствованы либо из новоперс., либо из монг. 'арбуз' (халха *tarvas*, калм. *tarvas* [*tarvys*]), заимствованного из перс., см. СИГТЯ 1997, 138.

4. Крх. *bibli* 'длинный перец', гапакс МК, EDT 282, в конечном счете восходит к скр. *pīppalī* (в Атхарва-Веде 'ягода', позже 'длинный перец'). Заимствовано из новоинд. формы, сходной с западным пахари *pippli*, хинди *pipḷī* 'a kind of long pepper' Turner № 8205.

5. Крх.-уйг. *avjā* МК, ср.-уйг. *ajwā* (IbnM), ср.-кыпч. *hajwā* (AbūH, Kav.), чаг. *ajwa* (Sangl.); тур. *ajva*, гаг. *ajva* ~ *hajva*, аз. *hejva*; турк. *hajva*; кат., кбалк. *ajva*, кум. *hajva*, тат., башк. *ajva*; хак., тув. *ajva*; чув. *ajva* 'айва', см. подробно СИГТЯ 1997, 137–138 (где специально отмечается: «Термин *ajva* в хакасский, тувинский и чувашский языки вошел явно из русского языка»), EDT 268. Вопреки Дж.Клосону, иранский источник для слова отсутствует. Скорее всего заимствование из новоинд. форм типа: лакхипурский диалект Авадхи *ābiya* 'зеленое незрелое манго', ср. хинди *ambuā* 'мелкое манго', восходящих к пракрит. *amba-*, *ambaya-* 'манго – дерево, плод', скр. *āmra* 'дерево манго' Turner № 1268.

6. *gešür* 'морковь' МК. По EDT 754, < нперс. *jazar* (новоперсидское слово само из арабского, судя по начальному согласному). Другие фиксации: IbnM, в современных языках – кар. *gešür*, *gesur*, ккалп. *gešir*, тат. *kišer*, башк. *kišer*, турк. *kešir*. Тюркские слова восходят в конечном счете к скр. *gārjara* > пракр. *gājara-*, кашмири *gāzⁱⁱ*, хинди *gājar*, синдхи *gājiro* 'морковная ботва',

gājara, Pl. *gājarū* 'морковь', пандж. *gājjar*, см. Turner № 4140, Стебл.-Кам. НКР 70. Из индийского заимствовано, в частности, афг. *gāzāra*, ставшее источником арабского слова, заимствованного в персидский. Видимо, и в тюркском также новоиндийское базарное заимствование, судя по разнобою в отношении звонкости-глухости, в разных языках заимствование находится на разной стадии адаптации, но единообразие формы по остальным параметрам указывает на одновременное заимствование из какого-то конкретного источника в один тюркский язык (тюркское койнэ карахандского периода?).

7. *sart 'купец, торговец': др.-уйг. маних. *sart* (EDT 846), крх.-уйг. *sart* (МК, QB); чаг. *sart* 'горожанин-перс, не знающий тюркского языка' (Абуш.); ср.-кыпчак. *sart* 'горожанин, простонародье'; тур.-диал. *sart* (DD III 1192), турк.-диал. *sart* (ТДГДС 156). Räs.VEWT 405; Meng. TLP 172; Барт. II, ч.2, 527–529; СИГТЯ 2001, 336. Слово, конечно, не общетюркское. Заимствовано в конечном счете из санскр. *sārtha*, ср. согд. *sārt* Gharib 8726 'караван', парф. *sārt* тж. Видимо, действительно попало в тюрк. языки через среднеиранское посредство (единовременно, судя по единообразному развитию значения, и не из средне- и новоиндийских источников, судя по рефлексу сочетания *-rt-*) – как бродячее слово на рынках Центральной Азии.

8. *kendük* 'сосуд в виде большого кувшина для хранения муки и пр.' МК – ганчакское. EDT 729: из ср.-перс. *kandūg, нперс. *kandū* 'большой глиняный сосуд для хранения зерна', араб. *al-kandūj*. По-видимому, ганчакское слово в действительности заимствовано из новоперс. и оформлено суффиксоидом. Остальные формы, приводимые в статье EDT, относятся к другой основе: *kündüg* 'кувшин' (IbnM), чаг. *kündüg* 'кувшин, бутылка для воды; в перс. – большой кувшин для хранения пищи' Sangl. Ср. некоторые иранские формы (Стебл.-Кам. Вах. 217): йидга *kuṇḍuk* 'деревянная миска' = кховар *kuṇḍuk* 'чаша для молока'; ишк. *kṇḍōk* 'глиняный чайник'. Сюда же явно относится тох. В *kuntīṣke* (n.[m.sg.]) 'little pot' (дими́нүтив от неотмеченного в тох. В *kunti, ср. тох. А *kunti* 'pot', Adams № 976, считает заимствованием из буддийского хотано-сакского *kuṇḍī*. Сюда же и согд. *kwnt'yk* 'jug' < скр. *kuṇḍi-ka* Gharib 5026. Итак, мы имеем здесь два локальных слова (возможно, судя по значению, контаминировавших между собой), оба, по-видимому, из индийских источников, ср. для первого скр. *kandu-* 'iron cooking pot', праkrit. *kaṁdu-* (но не более поздние источники, так как там исчезает носовой согласный, как в кашмири *kōḍa*) Turner 2726, для второго скр. *kuṇḍa-*, -ḥ 'bowl, waterpot', пали *kuṇḍi* и пр. (скорее, не более позднее, чем ср.-инд., ср. временные рамки пратохарского и согдийского) Turner 3264. Конкретным источником второго тюрк. слова может быть и согдийский.

Межъязыковые контакты в раннесредневековом Синьцзяне

Наконец, мы обнаруживаем довольно любопытную группу заимствований, характеризующую географически узко территорию Синьцзяна и при-

легающие, а именно, это тюркские слова, засвидетельствованные в Средние века в Центральной Азии, гапаксы Махмуда Кашгарского или поздних древнеуйгурских памятников, не имеющие тюркской этимологии и рефлексов в живых тюркских языках. Такие слова вполне могут оказаться иранскими или тохарскими заимствованиями²⁴². Действительно, среди них выделяются следующие категории.

Сакский²⁴³ → тюркский

1. *abatū* др.-уйг. 'бесконечный' (Cl. 12: «no doubt a l.-w. (Indo-European?)») – хсак. *avatā* 'неизмеримый' (< *pa-mā*- 'мерить' < *pati-mā- Bailey 9, 213, с отрицанием *a-*, не из согд. (**ptm't*) и не из парф. (*pdm't*); из всех возможных среднеиранских источников только хотано-сакский теряет в превербе *-t*).

2. *amary* 'несколько', др.-уйг. маних. и будд., крх.-уйг. (Тэфсир) (Cl. 164: «unknown origine», упоминает о сравнении А. фон Габен с ср.-перс. *abāriḡ* 'some, a certain number of' (реально – 'other' CPD 1), предполагая ср.-иран. *ahmara, хсак. *ahumara* 'incalculable, some'). Очевидно, заим. из хсак. *a-hu-mā ra*- 'бесчисленный' Bailey 14.

3. *irvi* МК 'индийское лекарство' (Cl. 198: «no doubt a l.-w., but there is no immediately obvious Sanskrit original») – хсак. *irhva* 'цитрон' < *aluifva (к *alu-* 'горький') Bailey 34.

4. (?) *bat* МК 'загустевший сок давленого винограда, виноградное сусло' (Cl. 296: ?) – скорее всего, из хсак. *bāta*- 'молодое вино, сусло' < иран. **bātu-* 'вино' Bailey 276, Kent 199 (из всех иранских форм, означающих в основном 'вино', ближе всего к тюрк. значение сакской формы 'сусло').

5. *čouvyu* МК 'титул, получаемый человеком на две ступени ниже хакана в хотанской иерархии, = тюрк. *yabgu*' (Cl. 394: «a Khotanese word might be native Saka or corrupt Turkish; it is possible that this is a corruption of the word *yabgu*») – хсак. *ššau*, Pl. *ššuvanā* 'официальный титул, противопоставленный *rrund-* 'царь', оппозиция примерно та же, что и между микенскими *basileus* 'правитель провинции' и *wanax* 'царь', < *χšāvan, от **χšā-* 'владеть, править' Bailey 412; вокализм тюркской формы может указывать на хсак. косвенную основу как источник заимствования.

6. *čowač* МК 'царский зонтик' (Cl. 395: «no doubt a l.-w., but of unknown origin») – хсак. *šāhauja* 'зонтик' < *šāyaəa- < **sk'ai-* 'тень' Bailey 398.

7. ? *čavju* МК 'дерево с красным стволом и ветвями и горькими красными ягодами, растет в горах' (Cl. 395: «prob. a l.-w.») – хсак. *šauve-* 'род ююбы' (с уменьшительным суфф.?) < **šaup-* = Skt. *kṣupaka*- 'куст' Bailey 405.

8. *čeg* МК 'хлопковая ткань полосатой расцветки' (Cl. 413: «prob. a l.-w.») – хсак. *caiha* 'кусочек ткани' (в сложении *thaura-caiha*, 'тканая материя') <

²⁴² Кроме того, среди гапаксов Махмуда Кашгарского много специфических китаизмов, но мы их здесь не будем рассматривать.

²⁴³ Г. Дерфер (TMN 2, 647) по поводу предположения о том, что слово *dōn 'одежда, халат' является заимствованием из хсак. *thauha*, замечает, что других сакских заимствований в тюркских языках не обнаружено. Как видно из последующего, он почти прав: хотя такие заимствования были, они «не прижились».

*čaixa, основа *kai- 'покрывать') Bailey 105, 150; ТМ формы: ороц. *čeke*, ульч. *čeke*, *čekete*, нан. *čeke*, маньчж. *čeketu* 'бархат' (ССТМЯ 2, 419), – вряд ли могут быть алтайской параллелью к тюрк. форме, скорее производя впечатление бродячего слова.

9. *čür* МК 'удача, выгода', *čürle*- 'получить выгоду от кого-л.', *čürlet*- 'заставить кого-л. стащить у кого-л. еще его собственность', *čürlen*- 'извлечь выгоду за чей-л. счет' (Cl. 428: ?) – хсак. *śūru*, *śuru* 'добро' (Acc.Sg. от *śārā*, *śirā* 'добро, благосостояние') Bailey 400–402; NB косвенную основу как источник заимствования.

10. *čer* МК 'al-waqt (время)' (в примере: «приходи в это время», т.е. «сейчас») (Cl. 427: ?) – хсак. *tcīra* 'раз', *draiṭcīra* 'triguptam' 'три раза' <*skar- 'резать' Bailey 140.

11. (?) *čurām* МК 'выстрел легкой, далеко летящей стрелой', *čurām oki* 'такая стрела' (Cl. 430: ?) – хсак. *cūḍām* 'мера длины, стадия?', < *čuḍāna- = Ав. *čarṭu* 'мера длины, стадия', < *car*- 'обходить' Bailey 104. Ср. также Расторгуева – Эдельман 2, 230.

12. *kowuè*, *kowuz* МК 'симптомы одержимости демонами' (Cl. 581: «prob. a crasis of *kowguè, fr. *kow*, meaning lit. smth. like «persecution») – хсак. *kauce* 'помрачение, грех' (в буддийском тексте) < **sk'eud*- Pok. 951–953, Bailey 65.

13. *kasy* МК 'деревянный загон для овец' (Cl. 666: «Prob. a l.-w.») – хсак. *kāysū* 'хижина, шалаш'. Ср. перс. *kāz* 'хижина', согд. Gharib 187 *kāzāk*, *kāzē* 'домик, хижина' < *kaz- 'устраивать, строить' Bailey 59 – с точки зрения фонетического облика хсак. форма представляет собой лучший источник для тюркского слова.

14. *kevel at* МК, QV 'породистая быстрая лошадь' (Cl. 689: «рес. to Хак.»). Ср. хсак. *kabā* 'лошадь (?)', во всех употреблениях – верховое животное, с такими эпитетами как 'превосходный', 'скакун'. Bailey 52: к лат. *caballus*, *cabō*, *-ōnis*, ср. также рус. *кобыла*. -*la*, -*laka* – стандартный уменьшительный суф. в хсак. (см. Среднеиранские языки, с. 304).

15. *kestem* МК 'вечеринка с выпивкой, отличная от формального приема' (Cl. 749: «prob. a l.-w., cf. Tokh.B *kāstwer* 'at night' – этимология тохарского слова, согласно Adams №946, неизвестна) – в качестве более вероятного источника ср. хсак. *khāṣṭa* 'пьяный', *khāṣṭam букв. 'устроенный ради питья' (< *khaus*- 'пить' < *xašta- Bailey 72–73).

16. *suma* МК 'проростки пшеницы или ячменя, материал для солода' (Cl. 828: «prob. a Chinese phr., the -*ma* may be *mai* 'wheat'») – хсак. *suma* 'мука', в примерах 'мука для закваски, дробленое зерно' Bailey 427, от хсак. *sau/su*- 'дробить, тереть', ср. авест. *sudiš* 'зернотерка'.

17. (?) *tīm* МК 'мех с вином' (Cl. 503: «prob. a l.-w. from Chinese *tien* 'shop, inn'») – хсак. *tīnā* 'кожа', *tīñā* 'в коже' Bailey 122, 127 (< иран. *tani-).

18. (Известное хсак. заимствование): *kemišge* 'вышитый кашгарский войлок' МК (Cl. 724: «Dev. N. fr. *kemiš*- 'to throw away, abandon', lit. 'something laid down on the ground'») – хсак. *kamaiškā* 'род покрывала, в основном разноцветного' (произв. от *kam*- 'покрывать') Bailey 52.

19. (?) (Известное хсак. заимствование): *beèkem* МК 'вымпел из куска шелка или хвоста дикого быка' – хсак. *baicakama* 'ячий или конский хвост', вахан. *bièkam* id. (Cl. 295, Mgst. ПФЛ 2 516, Bailey 302, *baica* < **vaj-* 'плести', *kama* < *kahama 'волосы', других иранских параллелей нет; ср. гипотезу о противоположном направлении заимствования в Стебл.-Кам. Вах. 96).

20. *zaranza* 'шафран' МК (Cl. 989: «no doubt a l.-w., ? Sogdian»). Но ср. Bailey 347 *ysaramjsa* 'шафран' < *zaranēī, ср. перс. *zarang*, *zirik* 'carthamus tinctorius, из которого добывают красную краску'. Из хсак. *ysar-* 'быть красноватым', хсак. слово фонетически точно соответствует тюркскому (*ys* = [z]). (Согдийские лексические параллели отсутствуют; ср. согд. *usparn* 'шафран' Gharib 10586).

21. *sytyr* 'унция' поздн. др.-уйг. (> монг.). Вопреки Cl. 802, скорее из хсак. *sātīra* (Bailey 418), крорайн. *satera*, чем из согд. *st'yr*, Gharib 363 *stēr*. Ср. тохар. *satera* 'унция' «from BHS *satera-*, itself ultimately from Greek *statēr*» (Adams №3775).

22. (?) *kūji* 'благовоние' поздн. др.-уйг. (> монг.). (Cl. 695: «no doubt a l.-w., ? Sogdian»; ср. *küè* 'сезам' Cl. 693: крх.-уйг., хорезм.-тюрк.). Ср. позднее хсак. *kujsa* 'сезам' (*js* = [dz]). Тюркское слово заимствовано в конечном счете из санскр. *kuñji* 'Kümmel', но скорее в хсак. фонетике.

23. (?) *tartar* 'дикий голубь, перепелка, водяная курочка' МК, AbûH, Bulg.; совр. кирг. *tartar* 'коростель'. (Cl. 536: «an onomatopoeic») – ср. с такой же редупликацией хсак. *ttatara* 'куропатка' Bailey 122, ср. согд. *ttr'w*, перс. *tadarw*, мидийск. (греч.) *тетарос* 'куропатка', пушту *tārū*, с и.-е. этимологией **teter-* Рок. 1079; хсак. форма ближе всего к тюркской.

24. *kebez* 'хлопковое семя' поздн. др.-уйг., крх.-уйг. МК, сохраняется до сих пор в тюркских языках региона: ново-уйгурском с диалектами, сарыг-югурском, узбекском. См. ЭСТЯ 1997, 13, Cl. 692. По фонетическому облику форма лучше всего из возможных источников соответствует хсак. *karā-ysa* 'cotton wool' Bailey 1966, 42. Ср. еще вах. *kəbós* 'вата, хлопок', шугн. *čipā s*, язг. *Аəbés* то же²⁴⁴; вершик. *γupās*, буриш. *gurās*, тиб. *kurās* (Стебл.-Кам. Вах. 214). В регионе появляется явно как заимствование из новых индоарийских языков: ср. скр. *karpāsa*, пали *kappāsa*, кашм. *kapas*, непал. *karās*, *kabās*, хинди *karās*, в памирских языках – не позднее среднеиранской эпохи (Эдельман Георг. 57–58), судя по палатализации начального *k-*, и, следовательно, из ср.-инд., см. Mgst. ESh 26. Ср. перс. *karbās*, тадж. *karbos*, очевидно, заимствованные иными путями.

25. *šatu* 'лестница': др.-уйг. ман., крх.-уйг. *šatu* (QB), чаг. *šatu* Sangl., др.-уйг. > относительно поздно зафиксированное монг. *šatu(n)* 'лестница' (Doerfer

²⁴⁴ Стебл.-Кам. НКР 53: «...памирские формы не могли быть заимствованы из тюркских языков (в которых представлены формы со вторым *a* кратким)». С первой частью высказывания мы не спорим, поскольку раннее заимствование обосновано памирской палатализацией, но тюрк. совершенно необязательно требует второго краткого гласного в форме-источнике, поскольку ее переднерядность может обеспечиваться внутритюркским сингармонизмом по переднему ряду гласной первого слога, восходящей к краткому *a*.

TMN 3, 317): письм.-монг. *šatu(n)* (L 754), ср.-монг. *šatu* (MA 407), халха *šat(an)*, бурят. *šata*, калм. *šatə*, ордос. *šatu*, шира-юйг. *šātə*, KWb 351, MGCD 710²⁴⁵. В новых тюркских языках представлены тув. *čada* (< бурят.), нуйг. *šaty/u*, которое может быть как унаследованным, так и монголизмом.

Как и предполагает EDT 867, слово, по-видимому, заимствовано из среднеиран. формы восточного типа **šatu* < **šritā* (**šr-* > **š* в хсак., согд., пушту, > *s-* в осет.; *-u* из винительного падежа? Ср. хсак., согд.). Следы источника заимствования в иранских языках: позднесак. *šakye* из **šatV-ka* Bailey 406, 511 как глосса к тюрк. *catta* [*čatu, šatu*]; в «Книге Замбасты» приставочное образование *būššāta* f. < **abi-šritā*. Ср. пушту *šəl* < *šritā* 'лестница', язг. *xad* < *šritā*, осет. *asinā* 'лестница' < **ā-šrin-*, *ses* 'стена' < **šraiša*, йидга *afšinyo* 'лестница' < **abi-šrinaka*. Bailey 300, Абаев I 76, 3 113–114.

Два юго-восточных тюркских слова похожи на заимствования из каких-то восточно-иранских языков, при этом не совпадающих ни с одним зафиксированным среднеиранским языком:

1. *ūjme* 'тутовая ягода' МК (= новоуйг. *ūjme*) (Cl. 27: «the *j* suggests that it is an Iranian l.-w.») = сарыкол. *uj ma, ūj ma* Стебл.-Кам. НКР 90 < **aizma*.

2. (?) *ulyan* 'съедобный корень пахучего растения' МК (Cl. 154: «prob. a loan-word») – язг. *lang* 'кориандр' Стебл.-Кам. НКР 75.

Тохарский → тюркский

1. *oxaq* МК 'сок раздавленных абрикосов, используемый как прохладительный напиток' (Cl. 83: «prob. an Iranian l.-w.») – очевидно, к тох. А, В *oko* 'плод' Adams №656 < ПИЕ **ōg-*;

2. *čanač* МК 'женоподобный трусливый человек', *čanačlik* 'женоподобие, изнеженность', *čanačla-* 'приписывать кому-л. женоподобие' (Cl. 425: ?) – ср. тох. А *šna-ši* adj. possess. 'femininus' Poucha 331, от *šām* 'женщина', тох. В *šana* Adams №3440 < ПИЕ **gwen-*;

3. *jömerük kiši* МК 'человек с мутными, слезящимися глазами' (Cl. 424: ?) – тох. А, В *tsem* 'caeruleus', А *tsem-yok* 'coloris caerulei', *tsem-yokāñ ašām* 'caerulei oculi', по Адамсу 4140, ПИЕ; но скорее из среднекитайского *chieng* 'синий, голубой'). Интерпретация **čemjok* плюс сингармонизм и замещение фонетически недопустимого сочетания звуков с помощью частого суффикса.

²⁴⁵ Вопреки EDAL, монг. формы следует исключить из алтайской этимологии EDAL 2024: Палт. **šit'ò* 'лестница, решетчатая стена': монг. **šita*, ТМ **šitkī* 'стенка палатки' ССТМЯ 2, 99, кор. **satāri* 'лестница' Nam 282, KED 870, яп. **šitōmi* 'навес, жалюзи' JLT 528, см. Ram.SKE 217. Монг. слово выпадает по двум причинам: 1) довольно натянуто выглядит предположение о заимствовании из монг. в древнеуйгурском манихейском тексте; 2) фонетически невозможна реконструкция **šita* для представленных монгольских форм, да и вообще реконструкция для них затруднительна: в реконструируемой праформе нужно иметь основания для *a*-перелома в первом слоге и одновременно для краткого *u* второго слога (достаточно хорошо засвидетельствованного формами из МА и ордосской); **šitua* должно было бы дать **šoto* (ср. **činua* 'волк', **šitayu* дало бы **šutuu* (ср. **šibayun* 'птица')).

Общеизвестные тохарские заимствования:

4. *lešp* 'сопли': др.-уйг. (медицинские тексты), МК (Cl. 764: < тох. А, В *lešp* тж. Адамс 3046: < пракр.);

5. *karšy* 'царский дворец': поздн. др.-уйг., МК, QB, чаг., хорезм.-тюрк., но отсутствует в новых тюркских языках; тюрк. > монг. *karši*. Cl. 664: тюрк. < тох. В *kercci* (Адамс 1046: < ИЕ *ghord/t-).

6. (?) *ermeli* МК 'быстрая лошадь': Cl. 232: cf. тох. В *ramer*; Adams №2887: 'поспешно, быстро' < ПИЕ *drem- 'бежать'.

7. *madar*: др.-уйг. 'чудовище' (нет по Cl.; тюрк. > монг. *madar*) < тох. В *mātar* 'чудовище' или хсак. *mādara-* (нет у Bailey). Adams №2483: «TchA *mātār* and B *mātar* are both ultimately from BHS *makara-*, perhaps through the intermediary of Khotanese *mādara-*». О тюрк. заимствовании см. Róna-Tas TE, 503.

8. *nāg* МК 'крокодил; циклический знак': Cl. 776: из согд. *nāg/k* 'дракон', которое из скр. *nāga* 'большая змея'. Ср. однако тох. В *nāk* 'змея как циклический знак', *nāge* 'дракон' (как дух воды) Adams №1781, 1787. Согдийцам не очень-то свойственно измерение времени по животному циклу (см. Фрейман 1962 о согдийском календаре), так что здесь более вероятен тохаризм.

Интересно, что контакты между синьцзянским тюркским, хотано-сакским и тохарским «работали» во все стороны, о чем свидетельствует наличие и других направлений заимствований.

Тюркский → сакский (мы приводим только предположительные заимствования, не отмеченные в Bailey²⁴⁶)

1. (??) Хсак. *chā* 'мера длины' Bailey 107 (сравнивается с хсак. *chej* 'ветка' < **chaša-*), в действительности (по примерам) = кит. *īšī* 'foot' – Ср. монгол. *DZā* 'промежуток между большим и средним пальцами', т.е. «большая пядь», эквивалент фута в китайской системе мер длины, из кит. (Сынин) *tsa*, кит. *zhā* 'пядь' SM 69, Ch-DWb II 1262, № 7477 (среднекитайских источников слова не обнаружено). Этимология может быть обоснована при обнаружении среднетюркского источника, промежуточного между заимствованием из китайского и хсак. формой. Либо направление заимствования обратное (из иран. в кит.)?

2. (??) Хсак. *kaša* 'пояс' Bailey 56 – Бейли относит к иранскому **kaša-*. Полная этимология этого иранского слова следующая: ав. (j) *kaša-* m. 'подмышка' Bartholomae 461; сев.-зап. гилян. *kāšə* 'объятие', лур. *бункаш*, *кашбун* 'объятие' Жуковский II 133, талыш. *кәш* 'крыло, рука, рукав', *кәшə* 'грудь', *кәшəбын* 'подмышка', курд. курманджи *к'ош* f. 'перед человека от колен до поясницы' Бакаев, *кош* 'подол' Курдоев, сорани *кош* 'колени, пах', южн. ср.-перс. *kaš*, *kāš* 'бок, подмышка' Абрамян 169, зор. п. *dast-kaš* 'руки под мыш-

²⁴⁶ Хорошо известен ряд тюркских заимствований в сакский; в основном это имена собственные, титулы и звания, названия одежды, кожаных изделий, пищи и под. Ср. также Novdhaugen, с. 166, где утверждается, что тюркские слова в хотано-сакском являются не заимствованиями, а окказионализмами в связи с якобы слабым интересом к контакту с тюрками у саков; при этом в статье отсутствует ряд общеизвестных «бытовых» заимствований из тюркского в сакский, как *yaragaka* (< тюрк. *yargak* 'кожа'), *yađama* (< тюрк. *yalma* 'плащ') Bailey 258 и др.

ками', н-перс. *kāš* 'пах, подмышка, грудь, лоно, объятия', тадж. *каш* 'подмышка'; вост. хсак. *kaša* 'пояс', вах. *kal* 'объятия', *kalbən* 'бок, пазуха, подмышка' Пахалина Вах. 210, Гр. – Стебл.-Кам. 366, Mgst.IFL II 525²⁴⁷, согд. **p-kšy* 'бок', ягноб. *kapāš, kēpaš* < **pkaš* < **upa-kaša* 'пазуха' Андреев – Пещерева 270; пушту *kšē* 'в' Mgst. EPsh 72, йидга-мунджи *avūš* 'пазуха, объятия' Mgst. IFL II 144, сангличи-ишкашими *kašviš* 'подмышка' Mgst.IFL II 400 (< перс.), шугн. *bi jūy* 'подмышка' < **api-kaša* Зарубин 112, сарыкол. *buxčo* 'пазуха' Пахалина Сар. 29, бартанг. *bi jāw, bičcaw* 'подмышка, пазуха' Соколова Барт. 89, 90. Но значение в хсак. выглядит изолированным среди прочих иранских значений, так что можно предложить тюркский источник для хсак. слова (как в ряде других случаев с названиями одежды в хсак.): тюрк. **kelč* 'пояс': др.-уйг. *keš*, МК *keš* 'пояс', кирг. *kešene* 'кушак', чув. *kažan* 'спина, позвоночник' VEWT 258, Сл. 752, Doerf. II 1697, ЭСТЯ 1997, 60–61. Тюрк. основа имеет приемлемую алтайскую этимологию: ПАЛТ. **k'él'e* 'пояс, талия': ТМ **xelgece* 'талиа; промежуток' > эвенк. *eŋeñē*, эвен. *eŋñ* 'талиа', *ēlgo* 'промежуток', негид. *eŋeñē* 'талиа', ульч. *xeŋgi* 'waist', орок. *xeŋgeje* 'подмышка' ССТМЯ 2, 446, 458; яп. **k'ásí*: др.-яп. *kosi*, ср.-яп. *kósi*, совр. *kòshi* JLTT 458. См. АПиПЯЯ 76, 289.

3. Хсак. *šgā* 'мера, употребляемая в связи с бычьими шкурами' Bailey 398 («Possibly fr. base *sai* 'cut'») – из кит. через тюрк. (Räs. VEWT 107 ошибочно связывает с **čakanak* 'предплечье') **čig* 'китайский фут, мера около 33 см': др.-уйг. *čigin tsunin* 'в измерении футами и дюймами' U II, Suv. 136.8, *tört čig* '4 фута' (длина картины) Suv. 544.5; *čig* 'тюркский локоть, около двух третей обычного локтя' МК; нуйг. *či* 'мера в 10 *sun*' < кит. *ch'i* 'фут' < *ch'iek*. См. Сл. 404.

4. Хсак. *šimušai* 'ложка', как и н-перс. *čamčah* 'деревянный черпак, ковш', Bailey 400 производит с помощью суфф. инструмента *-ušaka*, но от неизвестной основы; ср. Doerf. III 1121 – где из тюрк. **čöm-če* 'ковш' (произв. от **čom-/čöm-* 'нырять, черпать'), МК *čötmče* (огуз.), тур. *čötmce*, аз. *čötmčä*, кар., балк. *čötmič*, кум. *čömič*, тат. *čümeč*, башк. *sümes*, каз., ног., ккалп. *šömiš*, кирг. *čömič*, узб. *čömič*, нуйг. *čömič*, хак. *somnax* (< **čomčaq*), сюг. *čomyš* (Малов ЯЖУ). См. VEWT 115, Doerf. 3, 95–99, Сл. 422, Егоров 319. Ср. также *čam-čak/čam-čy-* 'большая ложка' (VEWT 98; < **čom-čak?*). Глагол **čom-/čöm-* 'нырять, черпать' имеет алтайскую этимологию: ПАЛТ. **šömo-* 'id.', монг. **čömu* 'черпак' KWb 431, Lessing 197, ТМ **šom-* 'черпать' ССТМЯ 2, 406, 414, 429, кор. **sām-* 'глотать, проникать', ср.-кор. *sāmski-, sāmās-, sāmāčh-* Nam 287, 293, KED 874, 905, яп. **səma-* 'погружать, красить': др.-яп. *soma-*, ср.-яп. *sómá-*, совр. *sòme-* JLTT 755.

5. (?) Хсак. *tadrrvā* Bailey 102 'кросна, основа (?)' в следующем контексте: *tta būra pvaicai cū ttadrvā bāstadū pađāmyša padāya pvaica tsvā šā* 'these so many *pvaica*-coverings which we had drawn upon the looms(?), in the first way one *pvaica*-covering came' КТ II 76, 3–4. Бейли производит хсак. слово из **tantra*,

²⁴⁷Моргенштерне полагает, что ваханская форма заимствована из незафиксированного санглического, как и перс. диал. *kalk* 'side under armpit'.

скр. *tantra* 'кросна, основа', но семантика здесь не слишком убедительна. Покрышка *pvaica* появляется неоднократно в сочетаниях типа: *yaragaka va pvaica* 'покрышка для *yargak*' (где *yaragaka* < тюрк. *yargak* 'шкура'), *šiyām pvaicām jsa jsā yaḡama* 'yalma с белыми покрышками' (*yaḡama* < тюрк. *yalma* 'плащ') Bailey 258, ср. там же ряд контекстов с тюркскими заимствованиями. Можно предположить, что *ttadvā* – это тюрк. *tatyrga* МК I 489 (гапакс – Сл. 460) 'белая дубленая кожа' (араб. *al-qaḡam* 'белый пергамен, кожаная скатерть'), по-видимому, к *tart-* 'растягивать', ср. другое образование из области кожевенной терминологии: *tartqa/y* 'скребок для обработки кожи' СИГТЯ 1997, 361. (К фонетическому облику хсак. слова ср. хсак. *añahīd ipabhūti* в соответствии с тюрк. *ayag-alpayut* Bailey JRAS 1939).

6. Хсак. *ttila* 'нить, проволока' Bailey 129. Этимология, предложенная Бейли: **tēla* < **tarθrya*. Тюрк. формы (**tēl*: МК *tili* 'бич', тур. *tel*, аз. *tel*, турк. *til* 'проволока, струна', чув. *tal* 'прядь' VEWT 471, Сл. 491) Бейли считал иранизмами, ср. нперс., курд., осет. *tel*. Нперс. *tār* < **tarθra* (фонетически *tār* : *tēl* = груз. *bari* 'лопата' < иран. **barθra* : нперс. *bēl* < **barθrya*); ср. также герм.: англ. *thread*, нем. *Draht*. Тем не менее, прямые параллели хсак. форме отсутствуют (см. Абаев 3, 288, об осет. форме: она не представляет рефлекса праиранского состояния и скорее является заимствованием, то же верно относительно курд. формы); таким образом, наоборот, тюрк. слово (будучи пратюркским, ср. существование чувашской параллели) может быть источником хсак. и других иранских форм. Тюркское слово имеет алтайскую этимологию: Палт. **rēlū* 'тетива; растягивать', монг. **tele-* 'растягивать, распяливать (кожи, одежду)', письм.-монг. *tele-, tel-* (Lessing 797), халха *tele-*, бурят. *telūr* 'носилки; пяло', калм. *tel-*, ордос. *tele-*, монгол. *terge-* (SM 418), см. KWb 390; ТМ **tel-*: эвенк. *telbe-* 'настораживать (самострел)', *telge-* 'свежевать, разделявать тушу', эвен. *telgō-*, негид. *telge-*, орох. *tegge-*, удэйск. *tegesi-*, ульч. *telžeei-* 'свежевать, разделявать тушу', орок. *telde-* 'свежевать, разделявать тушу', *telbe* 'распорка', нанайск. *telgei-* 'свежевать, разделявать тушу', см. ССТМЯ 2, 231; яп. **tūru* 'тетива': др.-яп. *uru*, ср.-яп. *tsūru*, совр. *tsurū*, см. JLTT 557.

7. Хсак. *yola-* 'ложь, лживость', Бейли (Bailey 343) полагает, что тюрк. *yablaq* 'зло' и тох. *В yolo* 'плохой, злой' заимствованы из этого хсак. слова. Однако предлагаемая им иранская этимология не слишком убедительна (из **i-dab-ala-* < **vi-dab-ala-* с постулированием диалектного развития). Относительно тох. см. Adams №2808 (тох. слово исконно и заимствовано в сакский). В действительности как тюркское, так и тохарское слова семантически слишком далеки от сакского. Мы бы предположили другой источник для хсак. *yola-* 'ложь, лживость': тюрк. *yala* 'клевета, ложное обвинение', фиксируется с др.-уйг., см. МК, Сл. 918–919, VEWT 181, 183, ЭСТЯ 1989, 87, 91–92. Тюрк. > монг. *jala* (KWb 214). Эта тюркская основа, представленная во всех тюркских группах, кроме болгарской, также имеет алтайскую этимологию: Палт. **žela-* 'обманывать', монг. **žali-* 'обманывать', письм.-монг. *žal-* (Lessing 1031: *žali* 'trick, cunning'), халха *žali-*, бурят. *zal'xaj*

'распутный', калм. *zālə* 'хитрость, коварство', *zal'xā* 'хитрый', дагур. *žellig* 'хитрый' KWb 465, 470, MGCD 427 (монг. > маньчж. *žali* (см. Doerf. MT 138, Rozycki 120), ойрот. *jalaq*); ТМ *žele, эвенк. *želum*, эвен. *žəlm*, негид. *želum* 'тайный', ульч. *žele(n)*, орок. *žele(n)*, нан. *želē*, маньчж. *žele* 'ложь, обман' ССТМЯ 1, 284.

Тохарский → сакский

1. Интересно хсак. *pika* 'локоть' (Bailey 242: к иран. **rank-* 'протыкать' и греч. *πυών* 'локоть' – в действительности последнее является производным от названия кулака, обозначая меру длины от локтевого сгиба до кисти руки, сжатой в кулак). Очевидным образом заимствовано из тох. А *poke*, В *pokai* 'предплечье, локоть' (= скр. *bahu-*, ав. *bazu-* < ПИЕ **bhāg'hu-*), см. Adams №2191.

2. Хсак. *kriŋga* 'петух' < тох. В *kranko* 'цыпленок' Adams №1129 (< ПИЕ **krek-* 'издавать громкие звуки') – Бейли (Bailey 64) считает хсак. слово исконным, но другие иранские формы (ав. *kahrka-*, зор. п. *kark*, нперс. *kark* 'петух', ванечи *čirag*, пушту *čirg*, язгулям. *k'arj*, вах. *kerk* 'курица', шугн. *čiš* 'петух', *čaš* 'курица') не содержат носового.

Сакский → тохарский

В словаре Адамса около 100 таких заимствований, часто индийских через сакский.

Тюркский → тохарский

В тох. В известен ряд тюркских (уйгурских) личных имен и титулов, например, *ārslām* 'Арслан' Adams №9, *ālp* Adams №375, *er* Adams №582, *el* Adams №600, *tārkhāne* Adams №1526. Приведем здесь нарицательные слова, которые можно интерпретировать как тюркские заимствования уже в тохарский В, после его отделения от тохарского А.

1. Тох. В *iprer*, *eprer*, А *eprer* 'небо, воздух, небосвод' Pouha 40, Adams №568 («Further relations are unknown. Certainly not ... from PIE **per-* 'point'. Other proposed connections, a borrowing from Middle Iranian *abra-* 'cloud,' or a relationship with Breton *ebr* 'heaven' founder either phonologically or morphologically (whence the final *-r?*), or both»). Действительно, предполагаемый индоевропейский источник тох. В *iprer* – **ṛbh-ro-*, нулевая ступень от **nebh-* 'небо, облако': скр. *abhrá-*, ав. *avra-* 'облако', греч. *aphrys* 'пена', лат. *imber* 'дождь' Pokorny 316; но нормальный рефлекс *ṛ в тохарском – *än > А *än*, В *an* (Бурлак 123), и обе тохарские формы не могут быть возведены к этому ПИЕ корню; более того, соответствия гласных между формами тохарского А и В не позволяют реконструировать общую пратохарскую форму, так что одну из них следует считать заимствованной (это может быть литературное заимствование из А в В или употребление живой формы из В писцом, создающим текст на мертвом языке А). Таким образом, тохарские формы не имеют индоевропейской этимологии и не восходят к пра-тохарскому состоянию. Но в тюркском имеется *ebren 'купол, небосвод, небо' > МК *evren* 'купол', QB *evren* 'небо, небосвод', совр. турецкий *evren* 'небосвод, мир' Cl. 13–14 (частично контаминировано, но, вопреки Клосону, не родственно тюрк. *ebren 'змея, дракон', имеющему алтайскую этимологию – см. EDAL

1605), очевидно производное от *ebür- 'вращаться', EDT 14, VEWT 34, ЭСТЯ 1974, 498–500, Егоров 20. Тохарские формы могут быть заимствованы из тюркского с заменой суффикса.

2. (?) Тох. В *kakwār* 'какая-то еда' Adams №743 («Etymology unknown») = тюрк. *kagur*- 'жарить' с производными типа *kagur-ma, *kagur-dak и под. – все названия видов жареной пищи – см. ЭСТЯ 1997, 175–177, Cl. 612;

3. Тох. В *kwašo* 'деревня' Adams №1217 («Etymology uncertain», предлагаемая связь с иначе изолированным прагерм. *hūsa- 'дом' фонетически неточна). Ср. тюрк. *kol' > *koš 'хижина, поселение': крх-тюрк. *qoš* 'семья' (Tfs), чаг. *qoš* 'лагерь, поселение' (Pav.C.), 'дом, жилище' (Sangl.), турк. *Goš* 'стоянка', тат. *quš* 'хижина', балк. *qoš* 'становище', кум. *qoš* 'шалаш', каз., ног., ккалп. *qos* 'палатка', кирг. *qoš* 'лагерь, стоянка', тув. *qoš* 'караван', чув. *xüžə* 'хижина', як. *xos* 'комната', см. VEWT 283, EDT 670, СИГТЯ 1997, 491–492, Федотов 2, 375–376, ЭСТЯ 2000, 90–94. Тюрк. > письм.-монг. *qos*, калм. *xoš* (KWb 189), письм.-монг. *qosi-lig* (Clark 1980, 42). Корень смешивается с *Kol' 'пара, соединение', но, по-видимому, их следует различать. У слова есть ТМ параллель *kuli-, *kuli-ti- 'огораживать' ССТМЯ 1, 428–429, восходящая, видимо, к ПАлт. **kul'o* 'огороженное место' EDAL 913. Гипотеза о заимствовании тюрк. слова из тох. *koškŷe* 'хижина' (которое само заимствовано из иранского, см. 1101) обсуждается в Reinhart 1990, при ее принятии необъяснимо отсутствие *-k-* в тюркской форме.

4. (?) Тох. В *pale* 'обозначение какого-то домашнего слуги', пример: «Тогда Пурохита спросил его: «Скажи мне, *pala*, не будет ли принц ...» (Adams №1972: «Etymology unknown»). Решением проблемы может быть, если мы предположим развитие 'ребенок' > 'слуга', которое, по крайней мере, не является невозможным (ср. др.-рус. *čaga* 'рабыня' < тюрк. *čaga* 'ребенок' Менгес ВЭ 170); тогда тохарская форма может быть либо заимствованием из тюрк. *bāla 'ребенок, детеныш' (в др.-тюрк. зафиксировано только 'детеныш животного', но ср. алтайские соответствия: монг. *balèir 'младенец', ТМ *baldi- 'родить, родиться', яп. **bārāpa(i)* 'ребенок' АПиПЯЯ 289), либо из скр. *bāla*- 'ребенок'.

5. (?) Тох. В *peške* 'топленое масло (как компонент лекарства)' (Adams №2180: «Probably a borrowing from some Middle Iranian source. Compare Modern Persian *maske* 'fresh butter' (Menges, 1965:131, VW:637)»). Ново-персидское *maske* (заимствованное в чаг. *meske* – Pav.C. 499, ср. также Буд. I 231, – узб. *maska*), возможно, является восточно-иранским заимствованием, производным от глагола *miš- 'смешивать, сбивать', осет. *misyn*, ягноб. *müšin* 'пахта' (Абаев II 123, Bailey 290), скр. *mikṣ*-, индоиран. < ПИЕ *mikṣ- (Maughofer 373). Заимствование тохарской формы с *p-* из формы с *m-* кажется сомнительным. При этом ср. тюрк. **bil'ci*- > *biši- 'перемешивать, сбивать (молоко, масло)': турк. *pišek* 'мутовка', *pišek-le*- 'пахтать', тат. *peš*- 'пахтать' (Тумашева Себер 180), башк. *beše*- 'сбивать; бить', *beškək* 'мутовка', каз. *pis*- 'пахтать', ног. *piskek* 'мутовка', ккалп. *pis*-; *piskek* 'большая мутовка', кирг. *byš*- / *biš*-; *biškek* 'мутовка для сбивания кумыса', узб. *piškak* 'мутовка для

пахтания', чув. *pəzer* 'бить, ударять', як., долг. *bis* 'мазать'. См. ЭСТЯ 1978, 309–310, Stachowski 61, Ашм. X, 241–242. Возможная алт. этимология: Палт. **bilè-i* 'смешивать, месить', монг. **bilèa* 'становиться плоским и мокрым; обмазывать' KWb 45, (? >) маньчж. *bilèa* 'месить тесто; клеить' ССТМЯ 1, 83, кор. **pič-* 'перемешивать, заваривать', ср.-кор. **pič-*, совр. кор. *pit-* [piè-] Liu 417, KED 864; яп. **pisiṗə* 'род бобового соуса; соленое мясо или рыба', др.-яп. *p(j)isip(w)o*, ср.-яп. *fisijō* JLTГ 409, см. EDAL 128. Источником заимствования в тох. В должно было быть производное на *-ke*. Сюда же может относиться и хсак. *bisī* 'пахта' (Bailey 290 возводит его к вышеприведенным иранским формам, но тогда *b-* и *-s-* нуждаются в специальном объяснении. Начальное *b-* < **m-* в хсак. нерегулярно, другой пример такого развития – *bḡsma* 'моча' (Bailey 287) < **miz-*, но здесь оно, по-видимому, диссимилятивное – ср. *mḡsai* 'моча' (Bailey 332). Срединное *-s-* Бейли объясняет из **-xš-*, но нормальный рефлекс здесь *-s-*, см. Среднеиранские языки 247, ср. хсак. *haš-* 'сообщать' < **eg-s-* (Bailey 472). Итак, хсак. форма может быть заимствована или, по крайней мере, контаминирована с заимствованием из тюркского.

6. (??) Тох. В *miye* 'какой-то маслянистый плод?' = dimin. *miyaske* (Adams №2552: ?). Контекст, позволяющий судить о значении слова, следующий: [wsā re nek]cy[e]ne cwi miye paškāro 'они давали ему на ночь *miye* и *paškāro*'. *Paškāro* – предположительно 'льняное семя' (Adams №1978). Тогда можно предположить, что *miye* – также лекарственное растение, и хорошим сравнением для него может быть тюркское слово со значением 'солодка; лебеда' **byñan*: чаг. *bijan*, ССум. *bujan*, тур. *bojan*, *mejan*, аз. *bijan*, турк. *bujan*, тат. диал. *tuja*, каз., ног. *tuja*, ккалп. *bojan*, кирг. *tuja*, узб. *mija*, нуйг. *buja*, чув. *mājan* Егоров 131. Тюрк. > калм. *buja* 'солодка'. Это слово, видимо, восходит к Палт. *miña* 'вид травянистого растения' вместе с кор. **mināri* 'сельдерей, петрушка'.

7. Тох. В *tsaipau* 'штукатурка' Adams №41150 («Etymology unknown») – ср. тюрк. **čap-* 'штукатурить, обмазывать': крх.-уйг. *čap-* (МК), узб. *čap-i*, нуйг. *čap-li-*, кирг. *čap-ta-*, кум. (*aq*) *čap-* 'белить, штукатурить', тув. *šap-ta-* 'поливать водой и трамбовать (землю)', чув. *sop-* 'заворачивать пирог'. VEWT 99, EDT 394, Ашм. XII, 248 (восходит к Палт. **č'ap'a* 'клей, глина' вместе с монг. **čabay(u)* 'рыбий клей', ТМ **čapa* 'рыбья икра; белая глина' – см. EDAL). Источником тохарской В формы могло бы быть стандартное отглагольное производное **čapagu*.

Приведенные группы заимствований, происходивших во всех направлениях и в разнообразных семантических областях, явно демонстрируют ситуацию трехязычных контактов, которые должны были происходить на уровне активного бытового общения, каковая ситуация может быть датирована VII–XI веками н.э.

СРЕДНЕТЮРКСКАЯ ЭПОХА

Этот период мы комментируем в самых общих чертах, так как по большей части основные моменты уже были освещены в предшествующей книге нашего издания, «Региональные реконструкции». Существенно, что ни одно из глоттохронологических древ не отражает узла, который можно было бы связывать с карлукской группой языков. Действительно, как мы пытались показать в первом разделе книги, основные фонетические и морфонологические изоглоссы, объединяющие карлукскую группу, оказываются вторичными. Наиболее вероятно существование на каком-то этапе карлукско-кыпчакской общности, связанной несколькими общими фонетическими и морфонологическими процессами. Впоследствии, после разделения языков, но при сохранении ситуации диалектной непрерывности, часть инноваций накрывала огузские языки вместе с кыпчакскими, но соответствующие процессы нельзя считать генетически тождественными.

Дальнейшее развитие карлукско-кыпчакского древа демонстрирует также некоторые любопытные корреляции с историческими фактами. Например, две подгруппы, первыми отделившиеся от остальных, это кавказские кыпчаки (780 г.) и караимы (900 г.), что довольно хорошо соответствует двум волнам проникновения кыпчаков в Восточную Европу. Распад караимов на тракайско-галичскую ветвь с одной стороны и крымскую с другой датируется 1220 г., что поразительно точно совпадает с датой монгольского проникновения в южнорусские степи (1223 г.), когда половцы потерпели поражение и бежали частично на юг, а частично на восток (на будущую территорию Литовской Руси). По-видимому, с монгольским нашествием можно связывать и чуть более позднее разделение балкарского и кумыкского языков (1300 г.).

Позволим себе процитировать обсуждение дивергенции кыпчакских языков из предыдущего тома нашей Грамматики: «Распад пракапчакской общности на западную и восточную ветви, очевидно, начался еще в домонгольскую эпоху и связан с проникновением половцев русских летописей, или куман западных авторов, в степи Юго-Восточной Европы. Оставшаяся в азиатских степях часть кыпчаков составила основу канглийской подгруппы, а вторгшаяся в южнорусские степи часть – куманской. Однако на протяжении всей истории кыпчакоязычных племен центробежные дивергенции постоянно нивелировались центростремительными конвергентными явлениями. Конвергенция восточных и западных кыпчаков наиболее интенсивно развивалась в золотоордынскую эпоху, тогда в зоне контактов между двумя основными ветвями складывается смешанный язык ногайского типа с преобладанием западных элементов. Начало формирования отдельных языков внутри восточной и западной ветвей относится к постзолотоордынской эпохе, за точку отсчета, видимо, следует принять рубеж XIV–XV вв. Именно тогда начинается возрождение отдельных государственных образований – Крымского, Астраханского, Ногайского, Узбекского, Казахских жузов и других ханств. В составе этих ханств происходит окончательная перегруппировка прежних родоплеменных диалектов. При детальном

анализе этно- и лингвогенеза каждого из отдельных современных кыпчакских языков выясняется чрезвычайно сложный и многокомпонентный состав влившихся в тот или иной народ этнических элементов, однако в силу исторических причин на западе преобладали одни языковые элементы, а на востоке – другие. В период возвышения Ногайского ханства, например, в предке ногайского языка исконные западные особенности основательно вытеснены восточными. Отпочковавшиеся от Ногайской Орды еще до преобладания в языке восточных элементов предки казанских татар (кстати казахи до сих пор называют татар *ноуај*, т.е. ногайцами), а также балкарцев оказались в западнокыпчакском окружении, но сохранили некоторые черты восточных кыпчаков (в частности «джеканье»). Окончательное формирование татарского языка происходило после образования Казанского ханства в середине XV в. Башкирский язык, скорее всего огузский в своей основе, подвергся неоднократной кыпчакизации: в домонгольскую эпоху, в золотоордынский период и, наконец, в относительно позднее время со стороны татарского и казахского языков. Таким образом, окончательное формирование башкирского языка относится уже к эпохе Казанского ханства или даже к более позднему периоду. В уральской подгруппе кыпчакских языков прослеживаются черты как западных, так и восточных кыпчакских языков» (СИГТЯ 2002, 258–259).

Эта довольно запутанная картина действительно имеет мало общего с дивергентной, древесной концепцией развития тюркских языков. Но она также определенным образом коррелирует с полученным лингвостатистическим методом древом. Как мы можем видеть теперь, последние узлы нашего генеалогического древа действительно датируются весьма правдоподобно с исторической точки зрения, однако эти датировки совершенно очевидно связаны с историей литературных традиций, так что не исключено, что они характеризуют исключительно связи между словарями соответствующих литературных языков. А именно, отделение татарского языка от восточно-кыпчакской группы (1390 г.) может быть связано со становлением т.наз. хорезмийско-тюркской литературной традиции, которая географически связана с территорией Золотой Орды, а, как известно, современный литературный татарский язык отчасти является наследником этой традиции. Отделение узбекского языка от языков ногайской подгруппы датируется 1630 г., что более или менее соответствует времени окончательного установления чагатайской литературной традиции.